

КЭМЕРОН ДЖОНСТОН

МЕРЗКАЯ СЕМЁРКА

Как будто Джо Аберкромби написал роман
серии Warhammer: мрачно, часто жестоко,
но с интеллектуальной игривостью.

SFX

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Кэмерон Джонстон

Мерзкая семерка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(411)

ББК 84(4Вел)-44

Джонстон К.

Мерзкая семерка / К. Джонстон — «Эксмо», 2021 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-185076-0

Накануне великой победы Черная Герран, хозяйка теней-демониц, покидает своих генералов, не сказав им ни слова. Сорок лет спустя некромантка Мейвен встречает бывшую предводительницу. Престарелая колдунья велит снова созвать своих капитанов, чтобы защитить городок, где живет ее семья, от расширяющейся Империи Света, ведомой фанатичным принцем Соколом. Лорд-вампир, безумный алхимик, вождь орков, королева пиратов и бывший бог соберутся снова, ненавидя друг друга, привлеченные обещаниями мести, власти или избавления. Роман в жанре темного фэнтези. Группа антигероев вынуждена защищать город от превосходящих сил противника. Черная Герран была ужасающим повелителем демонов и самым безжалостным генералом во всем Эссоране. Ее армию возглавляли шесть самых грозных воинов своего времени: некромант, лорд-вампир, полубог, командир орков, королева пиратов и извращенный алхимик. Вместе они поставили весь континент на колени, но не победили... 40 лет спустя она собирает своих бывших капитанов в маленьком городке Тарнбрук – для последней битвы с новым фанатичным врагом, который вторгся в страну и намеревается завершить работу, начатую ею много лет назад. «Веселый, захватывающий и кровавый роман, наполненный интересными героями и уникальным миром. Вы будете умолять Черную Герран и ее банду о продолжении». – Grimdark Magazine «Джонстон перевернул с ног на голову сюжет о великолепной семерке и семи самураях. Душевный, мрачный и кровавый роман, самый веселый из тех, что были у меня целую вечность». – Девин Мэдсон «Темная и богатая фантазия с изобретательной магической системой, от которой у вас волосы встанут дыбом». – Эд Макдональд «Как будто Джо Аберкромби написал роман серии Warhammer. Он мрачный и часто жестокий, но в нем есть интеллектуальная игривость. Кэмерон Джонстон порочно изобретателен». – SFX «Безостановочный экшен, а разношерстная группа выдающихся

героев доставляет массу удовольствия напряженными и язвительными спорами. Поклонникам grimdark будет чем насладиться». – Publishers Weekly «Кэмерон Джонстон – новый замечательный голос в фэнтези. Его творчество отличается мрачным чувством юмора, а этот роман полон воображения и чудес. Фантастическая штука!» – Стивен Ариан «Эпическое фэнтези встречается с крутым нуаром, со сквернословящим, повидавшим все рассказчиком, которого вы не скоро забудете». – Barnes & Noble SF Blog «Если вам нравятся умные герои с пограничной моралью, суровые, но интересные миры и жуткая магия, эта книга для вас». – Fantasy Hive

УДК 821.111-312.9(411)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-185076-0

© Джонстон К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кэмерон Джонстон

Мерзкая семерка

© Р. Сториков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Маме и папе,

которые всегда меня поддерживали

Пролог

Крепость Ракатолл, двадцать третий день осады. За семь часов до того, как все полетело в тартарары.

Перед крепостными стенами, чуть дальше дистанции полета стрелы, в землю вбили пятьдесят один деревянный столб. Перед закатом у каждого установили полыхающую жаровню, чтобы предстоящее изуверство видели обе стороны.

Захваченную знать раздели догола и пинками и криками выгнали из загонов, а потом привязали к столбам, и за этим беспомощно наблюдали их подданные, трясаясь от страха за осыпающимися стенами крепости.

Через пять лет войны Черная Герран наконец-то загнала последние королевские семьи Эссорана и остатки их армий в Ракатолл и горела желанием продемонстрировать все ужасы, которые для них уготовила. Мятежники, изгои, бандиты, наемники и монстры, из которых состояла ее армия, в той же степени жаждали посмотреть на мучения своих угнетателей.

Черная Герран, повелительница демонов, генерал и верховный главнокомандующий, оглядела свою армию и улыбнулась, когда все, на кого упал ее взгляд, потупились. Какими бы они ни были устрашающими, всегда полезно напомнить, что она куда опаснее. Они толкались, распахивали друг друга и обзывали, но не смели обнажить оружие. Лишь проникающий до мозга костей ужас перед ней спланивал ее воинство.

Она стояла рядом с двумя капитанами, а тридцать тысяч жаждущих крови людей и чудовищ внимательно наблюдали за пленниками, пытающимися разорвать путы. Из рук в руки переходили монеты – ставки на то, кто продержится дольше.

Черная Герран провела унизанными драгоценностями пальцами по коротким волосам с рыжими кончиками и посмотрела на своего белокурого любовника, который отказался делать ставки.

– Ну что же ты, Амадден, – сказала она. – Обычно ты не так щепетилен. Может, все-таки выберешь кого-нибудь из благородных господ и сделаешь ставку вместе со мной?

Воин нахмурился и смахнул грязное пятнышко со сверкающего нагрудного доспеха.

– Большинство из них порочны, но некоторые храбро сражались за то, во что верят.

– Какой же ты все-таки напыщенный, – сказала Мейвен, старшая сестра Амаддена.

Копну ее длинных темных волос трепал ветер. Она была сильным некромантом и правой рукой Черной Герран, то есть куда более важным человеком для генерала, чем ее брат, всего лишь согревающий постель. Уж конечно, она это знала. Она отодвинула брата и бросила золотую монету в открытую ладонь Черной Герран. А потом указала на тощего мужчину в центре шеренги:

– Выбираю вон того. Он бережет силы, вместо того чтобы выть и дергаться. Он умрет достойно.

– Тогда я поставлю на крайнего слева, – отозвалась Черная Герран, выбрав наугад.

И ночное празднество началось.

Как только солнце скрылось за горизонтом, демоницы-тени по призыву генерала выскользнули из трещин в земле и стеклись к ногам пленников. В мерцающем свете костров армия смотрела, как к деревянным шестам поднимается жидкая тьма, как у тьмы вырастают острые зубы и когти. И когда демоны начали пожирать жертв, солдаты радостно взревели, а их прежние хозяева заорали, надрывая глотки. Демоны начали с пальцев ног и медленно прогрызали путь наверх, сдирая кожу и жир, прежде чем впитаться в мышцы и кости.

Грейс, младшая сестра двух ближайших помощников Черной Герран, протиснулась сквозь ликующую толпу к брату и сестре. В одной руке она несла тарелку с сыром и закусками,

а другой прижимала к себе потрепанную тряпичную лошадку с одним глазом. У Грейс были золотистые волосы, и ее красота бросалась в глаза, несмотря на простое платье, заляпанное сажей. Ни один прожженный убийца из армии не осмелился даже взглянуть на нее, опасаясь, что черная магия Мейвен вырвет глаза обидчика из орбит.

– Вы забыли поесть, глупыши, – неодобрительно сказала Грейс. – Вам нужно поддерживать силы, чтобы сражаться с врагами.

Амадден засопел и подвинулся так, чтобы загородить ей вид на крепость и происходящие там зверства.

– Я же велел тебе оставаться внутри шатра.

Мейвен закатила глаза.

– Я попросила ее принести нам поесть. Хватит над ней трястись, Грейс живет в этом мире и способна перенести вид крови.

Лицо ее брата вспыхнуло от злости, и он потянулся к горлу старшей сестры. Но тут Грейс сунула в протянутую руку тарелку.

Мейвен ухмыльнулась, зная, что Амадден никогда и пальцем ее не тронул бы на глазах у младшей сестры. Он не пережил бы, если бы Грейс перестала его обожать. Хотя они постоянно спорили о том, что лучше для Грейс, оба готовы были скорее отдать жизнь, чем позволить кому-то ее обидеть, и отнять жизнь у всякого, кто попытается.

Некромантка подбодрила криком стонущих пленных и улыбнулась, немигающим взглядом наблюдая за казнью.

Амадден посмотрел на сестру, и его лицо скривилось от отвращения. Его рука на рукояти меча, висящего в ножнах на поясе, дернулась.

– Если бы не любовь к тебе Грейс... – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Грейс равнодушно окинула взглядом жуткую сцену – пожираемых заживо людей, а потом снова оживилась, посмотрев на Черную Герран.

– И ты тоже поешь. Держать такую армию в узде наверняка утомительно.

Черная Герран вздохнула. Грейс всегда удавалось видеть самую суть. Черная Герран так устала от постоянных склок, требующих ее вмешательства, чтобы солдаты не поубивали друг друга. Если бандиты или мятежники не дрались из-за идейных разногласий или золота, то великаны пытались сожрать орков, а эгоистичные капитаны еще хуже – каждый лелеял собственные планы. Черная Герран знала, что если сейчас уйдет и бросит их на произвол судьбы, то не пройдет и часа, как они перережут друг другу глотки, Амадден и Мейвен в том числе.

Аналогичным образом Грейс спланировала свою семью – она присматривала за братом и сестрой, чтобы они не убили друг друга. Амадден и Мейвен уживались вместе только ради сестры и под командованием Черной Герран. На глазах у всех троих убили родителей и деда, и с тех пор брат и сестры уже не были прежними. Мейвен с маниакальной жадностью изучала все, относящееся к смерти и некромантии, ее брат с головой окунулся в войну и поиски универсальной истины, чтобы избавиться от боли и найти цель в жизни, а их очаровательная и невинная младшая сестра вернулась в детство и жила только счастливыми воспоминаниями. Из-за уязвимости Грейс было легко нанять ее брата и сестру на службу, а из их яростного стремления защитить Грейс Черная Герран выковала смертоносное оружие.

Вельможа, на которого сделала ставку Черная Герран, обмочился, тем самым разъярив глодавшего его демона. Тот вскочил, проник прямо в рот и заглушил крики, разорвав гортань.

– Увы, я поставила не на того, – сказала Черная Герран. – Мейвен, передаю тебе командование. Позаботься о том, чтобы наступление возобновилось, как только войска закончат с развлечениями. При первом луче зари я возглавлю последнюю атаку.

Черная Герран направилась к генеральскому шатру, Амадден последовал за ней. В его глазах стояла смесь обожания и страха. Ей всегда нравилось в мужчинах именно это, но только не сейчас.

Она хлопнула его рукой по нагруднику.

– Нет. Ступай, присмотри за армией и сестрами.

Вернувшись в свой шатер, Черная Герран плюхнулась в кресло, наслаждаясь относительным миром и спокойствием. Но долго это не продлилось. Лежащее на столе слева от нее серебряное зеркальце, которое она забрала в качестве трофея из королевской опочивальни, а потом заколдовала кровью и страданиями короля, задрожало и заискрило – владелец ее души требовал внимания, а он не прощал задержек.

Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и взяла зеркальце, держа его на вытянутой руке. Отражение пошло рябью и потускнело, и вместо него появилось другое, совсем не похожее на человека.

Сквозь зеркало дунул раскаленный ветер, принося с собой серную вонь Хеллрата и крики измученных душ. На троне из блестящих костей и натянутой, еще живой человеческой кожи возлежала раздутая жаба размером с боевого коня, с пылающими глазами и языком: князь Шемхарай Хеллратский, могущественный повелитель демонов, даровавший Черной Герран огромную силу в обмен на душу. От одного его присутствия она словно ощутила удар молотом по голове, но собралась с силами и сделала суровое лицо – никогда не стоит показывать слабость демону. За тронном возвышался грозный генерал Малифер, огромное и вечно голодное чудовище, покрытое красной чешуей-доспехами, нечто среднее между человеком и крокодилом.

– Моя драгоценная смертная кукла, – сказал Шемхарай, причмокивая синеватыми губами и брызжа слюной. – Очень скоро ты получишь все, чего желаешь. Ты наконец-то выполнила свою часть сделки и открыла путь к Хеллрату и для моего завоевания вашего мира. Ты можешь оставить себе континент Эссоран, но все остальные земли и моря будут моими, и не вздумай меня разочаровать, мерзавка. – Его горящий взгляд нырнул к ее животу, и Шемхарай сморщил бесформенный нос. – Чую, ты носишь потомство. – Он облизал губы. – Восхитительное лакомство. Если захочешь продать...

– Ты получишь все, что тебе причитается, всемогущий князь, – отозвалась она, потупившись. – Обещаю.

Князь хрипло рассмеялся и взмахнул перепончатой рукой. Изображение в зеркале подернулось рябью и сменилось на кислую мину Черной Герран. Она опустилась на стул, чувствуя облегчение от того, что Шемхарай оставил ее в покое.

Князь Шемхарай жаждал крови и душ, питающих его нескончаемую войну с другими влиятельными силами Хеллрата, и благодаря этому им было легко манипулировать. Однако теперь, когда пришло время отдать ему обещанное, у Черной Герран на уме было совсем другое.

Беременность многое усложняла. Об этом не знал никто, кроме нее, и хотя пока она не ощущала и намека на материнский инстинкт, все равно приходилось думать о будущем без жестоких войн. Она была слепа, так долго поглощена мстью и завоеванием и не размышляла о том, что будет после победы. Чем она займется, став императрицей Эссорана? Смертной правительницей мира, который станет подножным кормом для демонов Хеллрата...

Она сидела во тьме в шатре главнокомандующего, держала кубок с остывающей кровью и вслушивалась в зловещую музыку последних часов осады. Далекие выкрики умирающих уже лишились прежнего великолепия, ожидание грядущей победы почти не радовало сердце Герран. Весь Эссоран сверкающим бриллиантом лежал на ее ладони... а она ничего не испытывала. Она просто делала что должна. Жестокий мир Крусибла никогда не знал силы, подобной ей, но все это теперь выглядело таким мелким.

А за тонкими красными стенами шатра ее армия всю ночь продолжала вести огонь, раздавался тяжелый стук катапульта, свист горящих ядер, летящих сквозь тьму. Треск и грохот

магии и победные вопли обезумевших от крови бойцов. Они не могли дождаться рассвета, ведь он нес смерть, славу и золото.

Черная Герран скривилась и опрокинула кубок. Кровь на землю не пролилась – ее подхватила темнейшая тень, выскользнувшая из-под кресла. Невидимые языки вылакали кровь, темнота содрогалась от наслаждения.

Черная Герран опустила взгляд на живую тьму, сгустившуюся у ее ног, – любимых демониц-теней, вызванных ее магией, порождением преисподней. Они были ее доверенными служанками, возвращены ее кровью и силой, хотя прочие обитатели Хеллрата считали их слабыми. Но в отличие от смертных сил, они никогда не обратятся против нее. Только им одним она доверяла – в этом мире или в ином. Демоницы поглаживали и успокаивали ее, радуясь, что могущественный князь отвел свой горящий взгляд от этого места.

– Что за высокомерный болван! – проворчала Черная Герран.

Миг спустя она хлопнула зеркалом по столу, и оно разлетелось осколками.

– Я заслуживаю большего, – сказала она, поднимаясь на ноги. – Проклинаю Шемхарая и сделку с ним. Я заслуживаю большего, чем вечное служение его целям. Как и вы, мои темные сестры. Не тревожьтесь, я сумею сделать так, что он никогда не отыщет нас.

Демоницы-тени притихли, потрясенные тем, что их кровавая сестра смогла отринуть соглашение и предать столь великую и страшную силу.

Она зашептала о том, что ждет впереди, и о планах на лучшую жизнь, которые уже начали осуществляться.

Они понимали. Они боялись. Но все же доверяли ей.

На мгновение Черная Герран вспомнила обо всех своих военачальниках, о любовнике Амаддене и его сестре Мейвен.

– Да пошли они все, – сказала она.

Демоницы-тени обступили ее. Когда тени растаяли, просочились в щели в земле, от их грозной повелительницы и следа не осталось.

А ее боевые военачальники, закаленные пятью годами сражений, собирали силы раздираемой склоками армии, продолжали осаду, не зная, что покинуты командующим на пороге великой победы.

Часть первая

Гроза надвигается

Сорок лет спустя

Глава 1

Мелкий бес пригнул рогатую голову и пополз меж камней, недовольно шипя, когда острые ледяные края вонзались под чешую и кололи ноги. Он выбрал подходящее место, откуда была хорошо видна убогая человечья деревня с крытыми соломой домишками, приютившаяся внизу, в устье скованной зимой долины. Бес устроился поудобнее, дрожа от холода, укутался в свои кожистые крылья, чтобы сохранить скудные остатки тепла, и собрался следить за деревней.

Холод постепенно истощал его адский жар. Внимание начинало рассеиваться, и беса клонило в сон. Мембраны век опускались, глаза затягивало пеленой. Но страх вернулся и красным когтем царапнул внутри, куснул за руку. Бес зашипел от боли, его кровь задымилась, падая на обледеневшие камни.

Сорок лет минуло с тех пор, как в последний раз Черная Герран вызывала его из уютного жара Хеллрата, тем не менее ужас беса был сейчас так же свеж, как тогда. Никакие доброжелательные слова не могли скрыть ее жестокости и амбиций, не меньших, чем у самого князя Хеллратского, а бес был не дурак. Он-то знал, что создания куда более могущественные, чем он, подвели когда-то Черную Герран. Им досталась судьба гораздо страшнее смерти, а вернее, они по сей день ее принимали.

Притаившись, бес наблюдал с высоты, невидимый для людского слабого зрения. После долгих часов темноты начинало подниматься солнце внешнего мира. Когда стали появляться первые люди, за которыми ему велено было шпионить, бес прищурил проницательные глазки. Сперва он испытывал лишь презрение, но по мере приближения людей начал чувствовать силу, которой они обладали. Задрожали рога, когти вгрызлись в камень. Улетучились все мысли о сне. Но бес старался оставаться как можно более незаметным.

Принц Сокол и его люди маршем шли на юг мимо заснеженной каменной пирамиды, воздвигнутой им много лет назад. Он почти забыл это место. Груда камней отмечала могильник, куда он сбросил бандитов – жалкие остатки разбитой армии Черной Герран. Он сам рыл эту яму и укладывал камни, теми же руками, которыми рубил врагов. Воспоминание об отлично сделанном деле подняло ему настроение.

С рассветом он въехал на окраину Борраха по нетронутой белизне снега в фут глубиной, восседая на горделивом боевом коне белой масти. Принц носил сверкающие серебряные доспехи, а позолоченное кованое забрало шлема напоминало о его хищном тезке. Глаза принца, сферы священного золотого огня, больше не были человеческими. Он – избраннык Богини, несущий свет и святую истину.

Он привстал в седле, изучая убогую деревню внизу. Снегопад, последний этой зимой, начал утихать. Принц велел своим людям приступать к зачистке, и его дыхание затуманило ледяной воздух.

С флангов принца окружали три посвященных рыцаря-инквизитора, три носителя величайшего благословения Светлейшей. Три их белых коня были братьями могучего жеребца принца. А Великий инквизитор Маллеус, с суровыми чертами лица и бритой головой, возглавлял колонну из ста пеших воинов, в безмолвии марширующих вниз по склону холма. Горде-

ливый знаменосец высоко держал эмблему Богини – золотое солнце с лучами на белом фоне. Рядом с ним, бормоча молитвы, двигался десяток жрецов в белых одеждах, бритых наголо и невозмутимых.

Они шли сквозь утренний туман, и восходящее над холмами солнце заливало красным белый мех и серебряные доспехи. Пехотинцы молча окружили дремлющую деревню и по двое направились к двери каждой лачуги. Кулаки в перчатках сжимали готовую к бою сталь. Взгляды воинов, ожидавших последней команды, были обращены к инквизиторам и божественному правителю.

Принц Сокол окинул взглядом крытые соломой лачуги язычников и печально покачал головой. Его меч взметнулся и опустился, блеснув алым в лучах рассвета. Его люди начали ломать двери. Там, где было закрыто накрепко, использовали топоры.

Деревенские жители громко кричали – их вытаскивали из постелей на площадь. С них сдирали одеяла и мех и уколom меча заставляли опуститься на колени на промерзшую землю. В одном доме раздались лязг мечей и крики, и оттуда вывалились два пехотинца – один без руки, а другой с разбитым лицом. Вслед за ними в дверной проем, бешено размахивая топором, с воплем выбежал дородный крестьянин, весь покрытый шрамами – следами множества битв.

Принц Сокол поморщился и, направив на него острие клинка, возгласил:

– О Светлейшая, великая и могущественная! Порази же этого прислужника зла.

Разъяренный и готовый убить крестьянин обратил на него гневный взгляд.

С острия клинка сорвался золотой огонь и прожег в груди варвара отверстие размером с кулак. Крестьянин рухнул на снег с зияющей дырой на месте сердца.

Все посвященные рыцари имели способность разить врагов, управляя крошечной частью обжигающей силы Светлейшей, но принц Сокол владел чем-то большим, нежели простой инквизитор. Он гордился тем, что стал Ее избранником, Ее стражем, Ее возлюбленным.

Это неприглядное зрелище положило конец всякому сопротивлению. Принц со свитой, пришпорив коней, поскакали на площадь, куда согнали крестьян. Пехотинцы кланялись проезжающим всадникам, опустив глаза.

– Что тебе от нас надо? – спросила одна старуха, полураздетая и дрожащая от зимнего холода. Она с вызовом смотрела на рыцарей в блестящих доспехах.

Великий инквизитор Маллеус поднял палец, и солдат ткнул старуху в живот древком копья. Взвыв от боли, она свалилась наземь, и Маллеус взглянул на нее сверху вниз.

– Обращайся к его святейшеству, только когда тебя спросят, тварь.

Принц Сокол сошел с коня и протянул поводья стоящему наготове солдату.

– Мы – посвященные рыцари Империи света, – произнес он. – Кто из вас поклоняется Светлейшей?

Никто не поднял руки.

– Очень жаль.

Он прошелся взад-вперед, изучая лица крестьян.

– До нас дошли мрачные слухи о том, что творится в этой гнусной деревне – колдовство и черная магия. Может быть, даже нечто худшее. Кто из вас занимается подобными мерзостями? Кто идет на сделки с демонами и монстрами? Сознавайтесь, и будет вам снисхождение.

Все молчали.

Принц холодно улыбнулся и направился к молодой женщине, крепко прижимавшей к груди младенца. Когда он поднял стальную перчатку, женщина задрожала от страха. Ледяной железный палец скользнул под ее подбородок, поднял вверх лицо, и взгляд женщины встретился с обжигающим взглядом принца.

– Дочь моя, скажи, кто здесь занимается грязными делами? Просвети нас, и милосердие ждет и тебя, и твое дитя. Вам обоим простятся все грехи.

Она крепче прижала к себе ребенка.

– Здесь нет темной магии или поклонения демонам. Мы идем путями Старых богов, вот и все.

– Ваши Старые боги, как и ваш Небесный Отец – это гнусные демоны, прячущиеся под масками, – сказал он, разглядывая ребенка. – Я люблю детей. Такие чистые. Такие невинные. Позволять их душам сойти с праведного пути и впасть в язычество было бы преступлением. Скажи, твой ребенок прошел обряд посвящения вашим ложным богам?

Нервно сглотнув, женщина покачала головой, потом бросила взгляд направо. По ее щеке скатилась слеза.

Принц Сокол обернулся к сморщенному старику, опиравшемуся на трость.

– Значит, местный колдун – это ты?

Палка взметнулась вверх, кончик лязгнул о нагрудный доспех принца Сокола. Старик зло оскалился, показывая почерневшие зубы на обрамленном белыми лохмами лице. Вонь горящего олова наполнила воздух – темное колдовство испустило из посоха острые когти, чтобы атаковать принца Сокола.

Пока все жрецы ахали и молились о защите своего господина, сам принц Сокол только сделал мысленную пометку – приказать выпороть негодного солдата, который позволил старику сохранить палку. Темное колдовство прикоснулось к его нагруднику, рассыпалось в прах и исчезло как пыль, унесенная ураганом.

Старик помрачнел, кончик палки опустился. Кровь отхлынула от лица, и колдун тяжело оперся о посох.

– Что ж, да будет так.

– Праведников защищает Богиня, – сказал принц Сокол.

Старик сплюнул ему под ноги.

– Праведников? Вы стадо убийц, таких же порочных, как и Черная Герран.

Принц ударил старика в челюсть кулаком в железной перчатке. Затрещала кость, посыпались зубы, и старик рухнул навзничь.

– Как ты смел сравнить меня с этой мерзостью? – взревел принц Сокол и ударил старика каблуком по голове. – От тебя исходят лишь зло и ложь. Я убил последних ее сторонников и зарыл их в яме неподалеку отсюда. Ложь!

Он все бил и бил каблуком, пока кость не хрустнула и не проломилась. Кровь и мозги окрасили снег в красный цвет.

Принц минуту смотрел на кровавое месиво, потом глубоко вздохнул.

– Разберитесь с этим, – приказал он.

Два солдата оттащили убитого колдуна к лачуге и швырнули внутрь, сверху бросили безжизненное тело крестьянина. Третий встал на колени перед властителем, чтобы вытереть кровь с сапог.

Великий инквизитор Маллеус обвиняюще ткнул пальцем в толпу и обвел ее взглядом.

– Кто еще из вас практикует черную магию?

На сей раз люди тыкали друг на друга пальцами, раздались крики отрицания. Предоставив своим инквизиторам отделять правду от лжи, сам принц Сокол обратился к Светлейшей и вознес молитву, прося прощения за необходимое кровопролитие.

Детей сразу отвели в сторону, рыцарям не потребовалось много времени, чтобы отделить горстку просто испорченных взрослых душ – тех, кто добровольно отрекся от своей языческой веры – от десятков испорченных безнадежно. Люди принца затолкали самых ярых служителей зла и любителей колдовства в их лачуги, завалили двери деревом и камнями.

– Да сгорят в огне нечестивые, – провозгласил Маллеус, простирая руки к восходящему алому солнцу.

На него сошла сила Богини, и соломенные крыши заполыхали.

Все смотрели на огонь и слушали крик и скрежет – женщины и мужчины раздирали деревянные стены разбитыми пальцами, пытаясь спастись от жара и дыма, а их дети снаружи выли от ужаса.

Некоторым из людей принца стало плохо, и они отворачивались от огня.

– Не смей отводить глаза! – приказал им принц. – Нам пришлось покончить с их греховными жизнями, чтобы вычистить зло с этой земли. А значит, мы тоже должны при этом страдать.

И они смотрели, как сгорают дома, пока крики нечестивцев не смолкли.

Уцелевшие взрослые испуганно сбились в кучу, тщетно прикрывая глаза и уши детей. Только три женщины и двое мужчин из Борраха оказались достойны помилования Светлейшей.

Принц подал своим людям знак, и они подняли на ноги деревенских. Сам принц Сокол помог молодой женщине с ребенком, изнемогающим от ужаса.

– Вам больше нечего бояться, – мягко произнес он. – Ваша боль закончилась. Ваши поврежденные души теперь принадлежат Светлейшей, и она очистит вас от телесных грехов любящими руками.

Крестьян сопроводили к утесу, нависающему над берегом, где они до заката преклоняли колени в молитве перед Великим инквизитором Маллеусом. А принц Сокол молился о том, чтобы все они выдержали второе испытание.

Так или иначе, Светлейшая очистит их души.

Бес оставался недвижим до тех пор, пока все инквизиторы не приблизились к краю утеса и не занялись вплотную оставшимися селянами. Только убедившись в собственной безопасности, он рванул вверх, в ужасе хлопая крыльями. Эти люди владели силами бога, и даже страшная магия той, что его вызвала, легендарной Черной Герран, не могла им противостоять.

Во всяком случае, в одиночку.

Глава 2

Спустя несколько дней пожилая женщина стояла на утоптанном снегу на окраине Борраха и смотрела на дымящиеся угли на месте некогда процветавшей деревни. Холодный ветер трепал ее белые волосы, не обращая внимания на лакированные деревянные шпильки. О скалистый берег разбивались волны. Женщина тяжело опиралась на палку, в равной степени от эмоционального истощения и чтобы облегчить ноющую боль в бедре.

Повелительница демонов, некогда известная как Черная Герран, приказала своим демонницам-теням перенести ее на север через тайные ходы под землей, чтобы увидеть судьбу этой деревни. Понять, что ждет ее саму, когда отступят снега и откроется дорога на юг через горы.

Позади раздались шаги, тихие вздохи на покрытой пеплом земле, и с ними пришло знакомое ощущение: могильный холод пробрался в ее старые кости, и по спине поползла дрожь.

Она не обернулась, чтобы поприветствовать женщину, когда-то служившую ее жестокой правой рукой.

– Мейвен.

– Сорок лет – ни единого слова, – сказала некромантка. – А теперь мой старый генерал присылает за мной демона и тащит в эти жалкие руины. Неужели возраст лишил тебя разума, Черная Герран?

– Я давно отказалась и от звания, и от имени. Теперь я известна как Далия. Называй меня так или вообще никак.

Влажное дыхание Мейвен коснулось щеки Далии, когда некромантка склонилась над ее плечом.

– Я бы предпочла называть тебя трупом. Из-за тебя я лишилась всего. Так что тебе лучше объяснить, почему мне не следует вырвать душу из твоей морщинистой плоти и не сделать ее своей игрушкой.

Далия с улыбкой обернулась.

– Я бы от всей души пожелала тебе удачи. Боюсь, великий князь Шемхарай Хеллратский может прийти за своей собственностью. На этот случай приняты кое-какие меры предосторожности.

Через сорок лет они снова оказались лицом к лицу и оценивающе уставились друг на друга.

– На все-то у тебя есть ответ, – огрызнулась Мейвен.

Вместо своих шестидесяти с лишним она выглядела лет на тридцать. При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что она скорее хорошо сохранилась благодаря своему магическому искусству, чем была действительно молода. Лицо пересекал уродливый старый шрам, лишь частично скрытый черной татуировкой, поднимавшейся от шеи на щеку. Чернильные щупальца будто жили своей жизнью, двигаясь по ее коже, как по воде.

– Это тоже твоя вина, – сказала Мейвен, проводя пальцем по щеке. – Когда ты нас бросила, мой брат рехнулся. Он пытался убить меня и похитил нашу сестру Грейс. Заштопав лицо, я сбежала из остатков твоей армии и стала искать свою семью. Но за все эти годы не нашла и следа. Брату особенно нечем похвастаться в области магии, но благодаря тому немногому, чем он владеет, его почти невозможно найти, если он того не хочет.

Далия пожала плечами.

– Он всегда был с придурью, да и ты не лучше.

Она подумала, что когда-то некромантка могла считаться красивой. Теперь ее уродовали вовсе не шрамы, а извращенная душа, скрывавшаяся за безразличным взглядом. Вонь смерти окутывала Мейвен, словно объятия любовника, и была так же очевидна, как серая волчья шкура, покрывающая ее плечи.

– Скажи-ка, – продолжила Далия, – а ты до сих пор таскаешь с собой ту коробочку с костями? Иногда ночью я слышала, как ты с ними разговариваешь, и порой мне чудилось, что кто-то отвечает.

Мейвен фыркнула и отвернулась.

– Ждешь ответов после всего, что ты сделала? Это ты должна мне ответить, старая ведьма. Твоя демоница сказала, что ты знаешь, где Амадден и Грейс, и только поэтому я здесь. Только поэтому ты еще жива.

Далия кивнула и вернулась к созерцанию деревни.

– Я точно знаю, где они, но это мы обсудим позже. Сначала нужно поговорить о том, кто разрушил деревню.

Поселение в пятьдесят пять душ превратилось в кучи костей и обугленных бревен, даже воронам и падальщикам ничего не досталось. Ветер покрыл плащ и лицо Далии пеплом.

Мыском сапога она пошевелила обломки дома и обнаружила человеческий череп. Лицо старухи не дрогнуло – в прошлом она творила кое-что и похуже.

Некромантка уделила человеческим останкам не больше внимания, чем дохлой мухе.

– Очаровательное место, – сказала она. – Объясни же, зачем притащила меня сюда.

Равнодушие не удивило Далию. Они обе черпали могущество в смерти и давно к ней привыкли. Некроманты получают силу из самого акта смерти, из энергии, высвобождающейся, когда душа покидает тело. А демонологов больше интересовала сила, рожденная болью и мучениями, и кровь, несущая жизненные силы существа по телу. Какой бы могущественной ни была душа, дорогу в Хеллрат могла открыть только кровь. Боль и мучения были самым лучшим пиршеством для демонов, и их повелительница использовала души только в качестве валюты, обменивая на покровительство и власть.

Далия откашлялась.

– Я снова собираю армию.

Визгливый смех Мейвен разнесся по мертвой деревне.

– Ты спятила? Ты предала своих военачальников прямо накануне победы. Предала меня! И скрылась, не сказав ни единого слова. Когда в армии узнали, что ты бежала с поля боя, началась резня. Ракатолл не мог поверить в такую удачу, глядя, как мы убиваем друг друга за его стенами. С чего бы тем из нас, кто пережил тот день, шевелить хоть пальцем ради тебя? Разве что перерезать тебе горло. Некоторые считали тебя мертвой, но я никогда в это не верила. К таким, как ты, смерть не приходит легко.

Далия пожала плечами.

– Разве я виновата, что никто из вас не справился с задачей? Разве вы дети, которых нужно держать за руку при каждом шаге? Я оставила вам армию и страну, готовую пасть перед вами. И что вы сделали? Набросились друг на друга, как голодные волки. Вы могли бы стать правителями, но испоганили все дело.

Мейвен скрипнула зубами.

– Зачем. Я. Здесь?

Далия задумчиво смотрела на разрушенную деревню.

– Летом Империя света двинется на юг через горы. Южное устье этой долины занимает город Тарнбрук. Как только империя сокрушит его, ничто уже не помешает ей захватить все земли юга. Она уничтожит старые порядки, вычистит города и заставит поклоняться своей новой богине. Этого не должно произойти.

– Я не собираюсь геройствовать, – сказала Мейвен. – Даже если бы я могла выстоять против целой армии, с какого перепугу мне делать это ради тебя? Откуда вдруг такая забота о других? Ты явно что-то задумала.

Далия недобро ухмыльнулась.

– Тарнбрук – мой город. Моя семья прожила там сорок лет, и это более чем весомая причина.

Мейвен вытаращилась на нее:

– Семья? У тебя?

Она расхохоталась почти до слез, но веселье прошло так же быстро, как началось.

– Да, семья, – отрезала Далия.

– Мне жаль твое потомство.

Далия проигнорировала ее слова.

– Я жила и любила в Тарнбруке все эти годы, и они изменили меня. Время смягчает ярость молодости и подносит зеркало, чтобы показать, какими эгоистичными мы были. Тогда во мне было столько огня, я так стремилась все разрушить. – Она вздохнула и покачала головой. – Не скажу, что все ушло без следа, но мой огонь утих, а когти сточились, чтобы я могла лучше утешать тех, кого люблю. Я была счастлива.

Мейвен насмешливо ухмыльнулась:

– Да тебя просто не узнать.

– Не тебе осуждать меня. Жить – значит изменяться. Только мертвые остаются прежними. И если думаешь, что ради спасения любимых я не сожгу весь мир, то сильно ошибаешься. Не стоит распалать во мне старый огонь, если не можешь с ним справиться. Предлагаю сделку, – поспешно добавила Далия, обводя взглядом шрамы некромантки. – Служба в обмен на ответы, которых ты так жаждешь. Ты сорок лет искала Амаддена и Грейс по всему миру и не нашла и следа. Я обещаю привести к тебе ненавистного братца и рассказать, где твоя золоволосяя сестра Грейс. Они оба еще живы. Согласна?

Мейвен качнулась на пятках, сжав зубы. Один глаз у нее подергивался.

– Ты скажешь мне сейчас, или я уйду.

Далия с преувеличенной грустью покачала головой:

– Нет, дорогуша, не уйдешь. Никто другой не откроет тебе эти тайны. И если вспомнишь, кем я была, то поймешь, что не сможешь вырвать их у меня против воли. Смерть надо мной не властна – моей старой душой владеют другие силы.

Мейвен протянула к ней руку, черный туман магии смерти закружился между когтистых пальцев... А затем в ее глазах мелькнуло сомнение.

– Чем докажешь?

– Ничем, кроме моего слова. Я никогда не лгала тебе. Обещаю, если встанешь со мной против этих богомерзких рыцарей Империи света, я приведу к тебе Амаддена.

Мейвен нахмурилась.

– Ты рехнулась. Империя света просто растопчет нас и ту кучку дерьма, которую ты называешь домом.

Далия насмешливо нахмурилась.

– Я не так слаба, как тебе кажется. Мне нужно, чтобы ты собрала моих выживших военачальников. Я сделала тебя правой рукой не просто так – из всех ты была самой злобной и коварной. Так ты сделаешь то, что я прошу?

Некоторое время обе молчали, глядя на клубящийся пепел Борраха. Наконец Мейвен сказала:

– Если ты правда знаешь, где мои брат и сестра, то сделаю.

Далия протянула футляр, набитый листами пергамента.

– Здесь хранятся сведения о местонахождении всех моих бывших военачальников. А также записи о покупках, счета, отчеты о передвижении войск и прочее, свидетельствующее о подготовке Империи света в последние несколько лет к захватнической войне. Ознакомься с ними, и, возможно, они помогут в вербовке остальных. Я вверяю эту задачу в твои надежные

руки, а сама начну готовить поле боя. Поторопись, если хочешь получить ответы, времени мало.

Мейвен посмотрела первый документ – список имен и адресов.

– И сколько же это, «мало»?

– Три месяца.

Брови Мейвен поднялись.

– Значит, так тому и быть. Пока я не ушла, хочешь узнать, что инквизиторы Империи света сделали с выжившими? Без моей помощи они сотворят то же самое с твоим городком. – Ее губы искривились в насмешливой улыбке. – Призраки этого места шепчут мне на ухо всякие ужасы. А в Империи света еще смеют называть этих страшных людей «посвященными рыцарями»...

– Полагаю, я должна это услышать, – спокойно ответила Далия. – Нужно знать душу врага, с которым предстоит столкнуться.

Некромантка повела ее за собой вверх по грязной тропе, к шуму разбивающихся волн. На краю обрыва она остановилась и посмотрела вниз, где чайки ссорились над красными кусками. Запах соли и водорослей не мог скрыть вонь гниющего мяса.

– Они привели пленников сюда, – сказала Мейвен. – Тех, кто отказался от веры в Старых богов.

На камнях внизу распростерлись переломанные тела: мужчины, женщины, даже дети... хотя теперь их было сложно различить. Раздутые, обглоданные падальщиками трупы сиротливо плавали в лужах между камней.

– Они сбросили всех, кроме самых чистых душ, – продолжила Мейвен. – После того как их благословили, Светлейшая должна была спасти их. Принять запятнанные души в свое лоно или что-то в этом роде. Полагаю, они не прошли какое-то испытание. Но эта смерть все равно лучше, чем заживо сгореть в собственных домах, как еретики, которых отправили в Хеллрат. Выживших жрецы забрали для обучения основам веры.

– Уверена, истерзанные души мертвых рассказывают тебе много подобных историй, – сказала Далия, изучающе глядя в холодные глаза некромантки. – Подозреваю, что мне вряд ли захочется слушать их все.

Мейвен натянуто улыбнулась побелевшими губами.

– Да, не захочется. Шрамы, которые ты видишь, – всего лишь плоть. У меня их гораздо больше, и я много страдала за годы, прошедшие с тех пор, как ты меня бросила.

Каким бы извращенным и мерзким существом ни стала некромантка, в этом была не только ее вина. Далия долго смотрела на трупы и чувствовала, как в груди разгорается старая, знакомая ярость. Не так уж глубоко она была погребена и забыта, как ей хотелось бы. Далия сжала свою палку так, что побелели костяшки пальцев, и повернулась спиной к мертвецам.

Она повсюду искала героев, храбрецов с отважным сердцем и крепкими руками, готовых выступить против Империи света. И не нашла ни одного. Орден дуба, Рыцари камня, Сестры копья... все старые ордена были слишком напуганы, чтобы встретиться лицом к лицу с чудовищем, надвигающимся на Тарнбрук. Все они были уверены в тщетности и глупости попыток укрепить город. Никакие герои не придут на помощь. И потому теперь, чтобы спасти свой мир, ей пришлось обратиться к старым, ужасным монстрам. Которые могут убить ее с той же вероятностью, что и враги.

– Думаешь, ты сможешь их контролировать? – спросила Далия. – Их страх передо мной и моя власть над ними за эти годы уменьшились.

Некромантка ухмыльнулась со смесью злобы и удовольствия.

– О нет, никакого контроля над такими злобными существами, как наши старые союзники, я обещать не могу. Лучшее, что я могу сделать, – это привести их сюда и указать, где враг. А они сделают то, что умеют лучше всего.

Далия кивнула.

– На том и порешим. Увидев, что творит Империя, я без малейших угрызений совести использую зло для борьбы со злом. Приведи моих чудовищ, призови свою черную магию и используй ее для защиты Тарнбрука. Только если моя семья выживет, я скажу тебе то, что ты так хочешь знать.

Некромантка покачала головой.

– Если посреди той бойни дело будет идти к твоей гибели, ты скажешь мне прямо там. Иначе твоя семья не переживет твоей смерти.

– Справедливая поправка. Я согласна. Когда летнее солнце растопит последний снег и высушит дороги, армия Империи света отправится в поход. А теперь ступай и приведи мне вампира, безумного алхимика, предводителя орков, королеву пиратов и бывшего бога. Собери порождения тьмы, чтобы они встали против армии Светлейшей.

– Как пожелаете, мой генерал. – Мейвен насмешливо поклонилась. – Однако один ответ я получу здесь и сейчас. Почему ты бросила наше завоевание сорок лет назад?

Далия посмотрела на юг, в сторону дома.

– Из-за нежданной и нежеланной любви, Мейвен. Из-за чего же еще? Не к мужчине, конечно. К ребенку.

Некромантка скривила губы.

– Любви? К плоду твоих чресел? Да ты меня за дуру держишь.

– И все же это правда, – ответила Далия.

Мейвен окинула ее долгим взглядом, усмехнулась и пошла прочь. Серый плащ развеялся позади нее, как боевое знамя.

Далия осталась на скале, размышлять о прошлом выборе, о тяжелых решениях, принятых так много лет назад. Ветер толкал ее к краю, побуждая старые усталые кости сделать еще один шаг, послать все к чертям и прыгнуть.

Как отреагирует злобная Мейвен, когда узнает, что это ее родной ненавистный братец возглавляет Империю света? Что предпримет, когда Далия расскажет, что именно этот безумный фанатик сделал с их сестрой Грейс в день рождения Богини?

Она в последний раз оглядела раздутые трупы на скалах внизу.

– Какое еще зло ты учинил, мой дорогой Сокол? Я должна была заметить, как внутри тебя растет сумасшедший фанатик. Может, надо было сказать, что у тебя есть дочь... Но нет. Из тебя никогда бы не вышел хороший отец.

Она щелкнула пальцами, и от скалы отделилась тень.

– Госпожа?

– Возьми своих сестер, и возвращайтесь в свои логова, – приказала Далия. – Разворошите улы, пробудите свое дремлющее потомство. Вы мне понадобятся в ближайшие месяцы. Сообщите остальным, что моя земная жизнь подходит к концу. И грядет война.

Она не надеялась выжить в битве при Тарнбруке, но конец ее будет таким, что боги содрогнутся.

Мейвен была могущественна как никогда и имела собственные цели, но Далия не сомневалась, что сумеет оставаться на два шага впереди. Некромантка высокомерна и забыла, с кем имеет дело. Если Далия жила в мире и покое, это не означало, что она ослабла.

– Всегда есть другой план, моя дорогая. Всегда.

Глава 3

– Шевелись, человек, дерись со мной. Ткни меня своей пикой. Призови побольше своей божественной магии и срази меня. Дерись же! Дерись!

– Ты... чудовище! – завопил единственный выживший солдат Империи света и отшатнулся, копьё выскользнуло из его руки и со стуком покатилося по скользким от крови каменным плитам разрушенной башни. – О Светлейшая, защити меня! – Воин, почти ничего не видевший в безлунной тьме ночи, поскользнулся, упал и остался лежать, широко распахнув глаза и дрожа от страха, рядом с десятком трупов своих товарищей в разбитых доспехах, с переломанными костями и разодранной плотью. Даже молитвы жрецов оказались бессильны перед монстром, с которым они столкнулись, и теперь бритая голова служителя божества украшала воткнутое в землю сломанное копьё. Под солдатом растекалась лужа мочи.

Монстр Лоример Фелле вздохнул и обмяк, его жуткая плоть постепенно меняла боевое обличье на прежнее, человеческое. Когти стали пальцами рук и ног, хвост, утыканный шипами, втянулся в человеческий позвоночник, кожистая шкура сменилась мягкой и темной кожей. Как всегда, неприятно было чувствовать себя меньше размером, но зато притупился неотступный голод, обостряемый только ранами, повредившими его тело. Ничего, раны он исцелит сразу, как только найдет время.

Некогда прекрасная алая туника и подбитый лисьим мехом плащ теперь клочьями свисали с черных широких плеч лорда-вампира – такова цена перемен. Теперь, когда Империя света с ее проклятыми инквизиторами захватила его дом, Придел теней, лорд лишился последних нарядов. Каким бы ни был он могущественным и выносливым, даже он не в силах противостоять такому сонму людей и магов. Совершенно невозможно, если он хотел сохранить жизнь остаткам своих людей.

– Жалкий смертный, – произнес он. Лорд, по мнению людей, обладал низким голосом, но сейчас, после пребывания в боевом обличье, он звучал пискливо и слабо. – Где твои посвященные богом рыцари вместе со своим золотым огнем? Думали, эта жалкая кучка сможет уничтожить меня простой сталью и мелкой магией? Глупцы.

Он поднял выпавший из рук меч и одним небрежным ударом отсек жертве голову.

Лоример перешагнул через истекающий кровью труп и вернулся в свой временный лагерь в тени осыпающейся южной стены, на которой копьем в живот был приколот его старый верный слуга.

Всего месяц назад Лоример, одетый в прекрасные меха, находился у себя дома, в Приделе теней. Он сидел за игровой доской с Эстеваном в библиотеке замка, они передвигали фигуры, перед каждым стоял бокал с разорительно дорогим иноземным вином. Эстеван выигрывал, как всегда, но и лорд-вампир, вызнавший в своих книгах несколько новых трюков, был ему достойным противником. В очаге полыхал огонь, а в бокалы лилось вино, это был приятнейший вечер. Пока вдруг тревожно не зазвонил колокол.

Они бросились к окну и смотрели, как змеятся вверх по холму огни тысячи горящих факелов – войско Империи света вторглось в Придел теней. Посвященные рыцари и огонь изгнали Лоримера из дома предков. Последнее, что лорд в нем видел, – как сдирали его охотничьи трофеи со стен и бросали в костер, разведенный из его имущества перед входной дверью.

Эстевану потребовались все его спокойствие и безупречная логика, чтобы отговорить Лоримера от бессмысленного сопротивления до конца. Вместо этого лорд велел своим людям бежать, скрыться среди гор коварного хребта Мхорран, где их никогда не найдут солдаты Империи света. Но Эстеван, его верный храбрый Эстеван, отказался уйти и намерен был сопровождать своего господина в изгнание. Что бы ни было дальше, он твердо решил оставаться

рядом с лордом, пока они вместе отвлекут врага от своих людей. Войско Империи света неотступно преследовало лорда-вампира.

– Я прошу забрать у меня ваш щедрый дар, милорд Фелле, – произнес Эстеван, дрожа на холодном ветру. Изможденное, залитое кровью лицо камердинера искажало страдание, каждый вдох давался с огромной болью. Его темная кожа теперь стала мертвенно-серой. – Мне он больше... не понадобится.

Он поморщился – ноги у него подгибались, вертикально тело удерживало лишь копьё, приколотое к стене. Лужа крови под ним растекалась с пугающей скоростью, такой раны не исцелить даже щедрому дару хозяина, бегущему по венам слуги.

– Да, ты прав, – печально сказал Лоример. – Ты верно мне служил, старый друг.

Кровавые раны вампира обостряли его ненасытный голод, и челюсти расширялись, а зубы превращались в клыки, чтобы рвать и пожирать плоть. Он все сделает быстро, это будет малая благодарность за столетие верной службы.

Но сквозь голод прорвался знакомый отвратительный голос:

– погоди. Его еще можно спасти.

Лорду Лоримеру потребовалось огромное усилие воли, чтобы не вонзить зубы в мягкую и сочную шею Эстевана, однако ненависть оказалась сильнее голода. Он с шипением обернулся на голос.

– Мейвен.

Та, кого ему хотелось увидеть меньше всех на свете.

Осторожно ступая между окровавленных трупов, Мейвен коротко кивнула лорду. В одной руке она сжимала обсидиановый нож с серебряной рукоятью, а другой, как оружием, потрясала маленьким пузырьком.

– Рада встрече, Лоример Фелле, лорд Придела теней. – Она твердо выдержала его взгляд. – А вернее, бывший лорд.

Он почувствовал трепет магии и внутри пузырька, и в ноже, и понял, что у нее наготове колдовское оружие. Его тело сводило судорогой, проступали костяные шипы и острые когти.

– Будь любезна, скажи, почему бы мне не полакомиться твоим старым иссохшим сердцем?

– На то есть причины, – отозвалась она. – Жива Черная Герран, и она намерена мстить Империи света, тем подонкам, что отняли у тебя дом. Наши прежние сложные отношения не должны влиять на нынешние события. И еще – мое старое иссохшее сердце для тебя окажется горьким и жестким.

Лорд Лоример растерянно поморгал.

– Значит, наша старая предводительница все же выползла из какого-то сырого склепа, где скрывалась все эти годы? Любопытно.

Он усмехнулся, и клыки превратили усмешку в шипение. Он заставил свою плоть вернуться к человеческому облику – чтобы убить обычную женщину, ему не требовалась такая мощь. Ее темная магия – другое дело. Трепет этой угрозы его возбуждал.

– Насчет наших с тобой личных дел, – сказал он. – Исцели Эстевана, и, клянусь, я подумаю над твоими словами. Но не более. После этого я, скорее всего, угощусь твоей испорченной кровью.

Его камердинер лишился сознания из-за боли и потери крови и безвольно повис на красном копьё, соскальзывая с древка. Лоример придержал его, лишь копьё мешало кишкам и крови вырваться наружу.

Слово Лоримера всегда было крепко, и поэтому Мейвен, пожав плечами, убрала в суму нож, сунула в карман пузырек, а потом приблизилась к умирающему слуге.

– Хорошо. Но, надеюсь, ты изменишь свое мнение, узнав, что мы тебе предложим.

– Сомневаюсь, тварь. Войско Черной Герран пошло прахом, а с ним вместе и мое доверие к ней.

Она окинула рану Эстевана опытным взглядом.

– Ты всегда любил эту старую развалину больше, чем меня.

– Ценю верность, – рявкнул он, глядя, как она прижимает ладони к груди старика.

Плоть краснела в месте прикосновения, Лоример ощутил острый дух колдовства, плывущий по воздуху.

– Извлеки копье, – приказала она. – Осторожно и медленно.

Лоример подчинился и увидел, что кровь больше не хлещет, а рана затягивается. Но при виде красной аппетитной плоти у него зачесались зубы.

Они уложили Эстевана наземь, и колдунья припала к нему, прижимая ладони к груди так, что ногти впивались в кожу. Она бормотала тайные заклинания, древние нечеловеческие звуки сплетались в длинные странные слова, от которых даже у Лоримера по спине бежали мурашки, – такое будоражащее ощущение для вампира, гордого прирожденным умением владеть своей плотью. То была древнейшая магия – тайные знания о крови, плоти и смерти.

Раны Эстевана закрылись, и на миг у Лоримера мелькнула мысль воспользоваться моментом и оторвать ведьме голову. К сожалению, он не мог переступить некую черту и нарушить данное слово. Лоример устоял, не поддавшись порыву, как сделали бы его родичи-вампиры в прошлом. Да, он чудовище во всех отношениях, но кто смеет утверждать, что чудовище не способно достойно себя вести?

Предоставив ведьме работать, он начал есть, пока мясо павшего врага еще не остыло. Он вгрызлся в труп солдата Империи света, отрывал огромные, блестящие от крови куски, невзирая на брызги, заляпавшие лицо. Но не отводил взгляда от Мейвен. Никогда больше он не станет ей доверять. Его собственные раны начинали затягиваться, плоть восстанавливалась, даже без шрамов. Не сказать, чтобы он уделял им много внимания – боль и раны мало что значат для его породы. К тому времени как лорд Лоример добрался до костей, чтобы высосать мозг, Эстеван уже задыхал ровнее. Впервые за многие недели лицо слуги выглядело расслабленным и умиротворенным. Столько бед они пережили в последнее время, и, в конце концов, его слуга – всего лишь человек.

Час спустя Мейвен со стоном поднялась на ноги, разминая затекшие мышцы и хрустящие кости.

– Исцеление – не самая сильная моя сторона, – сказала она. – Чуть не сорвалось, но он все-таки будет жить. Хотя крепкого здоровья не гарантирую. Его внутренние органы сильно повреждены.

Лоример швырнул ей под ноги обглоданное человеческое ребро.

– Лучше так, чем смерть. А теперь говори, что хотела, пока я тебя не убил.

Мейвен сморщила нос, глядя на него, измазанного в крови, и мыском туфли отпихнула ребро в сторонку.

– Ты решил меня припугнуть?

– Никакого запугивания, – сказал он. – Просто я считаю, что такая презренная тварь, как ты, недостойна приличных застольных манер. Говори, что хотела. Эстеван мне дорог, но ты приобрела только несколько лишних мгновений жизни.

Она слотнула.

– Я не жду от тебя прощения за то, что творила в годы после войны. Но я делала то, что считала необходимым.

Ничего не ответив, он начал очищать острые зубы раздвоенным языком.

– Империя света крепнет, – начала Мейвен. – С каждым годом она расширяет границы и распространяет господство Светлейшей. Алауна – раздробленные ошметки. Кахалгилрои давно истреблены. Вандаура, Брод Феноха, Акенхольт и Придел теней пали. А теперь и Боррах

стерт с лица земли. Век Старых богов и старой магии подходит к концу, в новом мире таким, как мы, места нет.

Лоример выковырял осколок кости и сплюнул ей под ноги.

Мейвен невозмутимо продолжила:

– Тарнбрук станет следующим. Мы с Черной Герран собираемся остановить войско Империи света и перебить его, прежде чем людей в этом городе постигнет участь жителей Борраха и Придела теней.

– Альтруизм – не твоя добродетель, Мейвен, – усмехнулся он. – Что ты с этого получишь?

Она пожала плечами.

– Как и не твоя. Мои собственные причины – мое личное дело. А тебе я предлагаю мечь, предлагаю встретиться с инквизиторами, отобравшими твои владения, и порвать их в клочья.

Лоример бросил свой ужин и зашагал к ней, оставляя за собой цепь кровавых следов.

– Не держи меня за дурака, потаскуха. В одиночку мне не справиться с целой армией.

Она не отступала.

– Ты не будешь воевать один, Лоример. Я и Черная Герран будем драться вместе с тобой так же, как и другие.

Его руки дрожали от желания схватить и сжать ее горло.

– Черная Герран – предательница, ну а ты не станешь воевать ни за кого, кроме самой себя. И не веришь ни во что, кроме своего умения убивать и порабощать.

Она подняла руку в знак предупреждения, между пальцев заструился черный туман.

– Придержи язык, вампир. Ты ведь нежить, а я некромантка. Для тебя это добром не закончится.

Улыбнувшись, он размял когтистые пальцы.

– Ты считаешь себя хозяйкой жизни и смерти, но я сотни лет хожу по лезвию этого ножа. Если думаешь, что способна вырвать мою душу из этого созданного из плоти и костей дома, тогда ты ошибаешься, и очень сильно.

Глаза Мейвен сузились, на мгновение показалось, что сейчас она с наслаждением бросит вампиру вызов, но, глубоко вздохнув, она опустила руку.

– Все мы только выиграем от крушения Империи света, и всем придется многое потерять, если она расплзется по всему Эссорану. Их вера не допускает никакого снисхождения для таких, как мы, и вообще не милосердна ни к одной расе, кроме людей. Кто из оставшихся теперь может противостоять им? Южные полисы и города побережья грызутся между собой, да и варварские племена постоянно воюют одно с другим – когда не дерутся с орками.

Лорд зашипел от злости.

– Прекращай укутывать свою речь покровами обмана. Ну, так что ты выигрываешь?

Она долгую минуту молчала.

– Я заключила соглашение с Черной Герран. Ей известно, где найти моих брата с сестрой. А взамен я должна помочь сокрушить армию, которую Империя света пошлет на нас этой весной.

– Правда наконец сорвалась с твоего языка, – сказал он. – Для меня твоя одержимость значения не имеет. А помимо ведения войны за твои интересы ты способна предложить еще что-нибудь, чтобы я не вырвал тебе сердце?

Она нервно сглотнула и посмотрела ему в глаза.

– Если ты согласишься защищать Тарнбрук для Черной Герран, я поклянусь на крови, что, как только мы победим, помогу тебе и остаткам твоих людей вернуть Придел теней.

Это заставило вампира задуматься. Колдовство Мейвен грозное, вне всяких сомнений.

– Поможешь? Тьфу! Когда мы победим, ты поклянешься служить моим людям и мне до тех пор, пока Придел теней не освободится от Империи света.

Она ни секунды не колебалась.

– Принимаю твои условия.

Он содрогнулся. Это было... так на нее не похоже. Где же торг и перевернутые слова, где борьба за позицию и преимущество?

Лоример заметил, что веки Эстевана дрогнули, а глаза приоткрылись. Слуга очнулся и уже какое-то время слушал.

– Милорд, – прохрипел он. – Я советую отказаться. Этой гнусной твари нельзя доверять.

Лоример усмехнулся.

– Я и не забывал о ее натуре. Тем не менее мне нужна ее помощь, чтобы вернуть моим людям дом и свободу. – Подняв руку, он прорезал острым когтем ладонь, так что образовалась длинная глубокая царапина. Протянул руку к Мейвен. – Поклянись на крови, сейчас же.

Мейвен пристально посмотрела ему в глаза, а потом достала из-за пояса нож и полоснула лезвием по своей ладони.

– Раны и исцеление ничто для тебя – руки режут одни идиоты.

Он схватил ее руку, и кровь смешалась. Трепет черной магии коснулся обоих. Клятва скреплена. Со вздохом разочарования Эстеван прикрыл глаза.

– Что ж, – сказала она, нагибаясь и вытирая окровавленную руку о драный подлатник солдата армии Света, – теперь лучше отправь Эстевана куда-нибудь, где он сможет восстановиться. Нам с тобой нужно поскорее завербовать остальных, кто еще жив.

И она протянула лорду полученный от Черной Герран список имен.

Лоример издал низкий злобный смешок.

– Ну, теперь начнется веселье.

Глава 4

Лоример и Мейвен притаились в тени дверного проема через дорогу и сквозь окно развалюхи, которую местные жители называли таверной, наблюдали за начавшейся внутри дракой. Много лет назад какой-то заблудший имперец вырезал на входной двери эмблему Светлейшей в виде солнца с лучами, теперь вся она была испещрена непристойными надписями. Из-за двери таверны вывалился старый пьянчуга, и эмблема распалась надвое.

Рыжий с проседью старикан, осыпaeмый градом обломков, с бранью шлепнулся на темную и грязную улицу, увлекая за собой двух крепких деревенских мальчишек. Старик был высок и широкоплеч, с испещренными следами боев руками, но всклокоченные волосы с проседью и торчащий живот свидетельствовали о том, что его лучшие бойцовские времена давно миновали. И туники, и чулки на всех троих драчунах были разодраны и залиты кровью и пивом.

Эти трое, обмениваясь яростными ударами и пинками, покатались по грязи и навозу разбитой тележными колесами улицы, изрыгая проклятия и кряхтя. Вслед за ними из-за сломанной двери таверны показались лица пьяниц – те передавали из рук в руки монеты и делали ставки.

Из свежего пореза на лбу старого воина на рыжую бороду лилась кровь. Локоть одного деревенского мальчишки врезался в многократно переломанный нос, из него потекли сопли и кровавая юшка.

Воин вцепился в горло парня, харкнул красным ему в лицо. Парень взвизгнул и перекатился в сторону, вытирая мозолистыми руками глаза. Это высвободило старику руки, чтобы крепко схватить другого врага за яйца. Тот завыл и свернулся клубком, защищая пах руками и всхлипывая.

Старый воин поднялся на нетвердых ногах, прикрыл один глаз, чтобы сосредоточиться на распростертом перед ним теле, потом с силой пнул мальчишку в живот сапогом. Постоял, пошатываясь и пытаясь рассмотреть две укрытых капюшонами и плащами фигуры через дорогу. Наконец он выбросил их из затуманенного рассудка и поплелся назад в таверну, пьяно бормоча какие-то свирепые боевые призывы.

Первый крестьянский мальчишка бросил тереть глаза и метнулся следом за старым воякой.

– Эй! Мы с тобой еще не закончили! – окликнул он и замахнулся, чтобы ударить.

Старик пошатнулся. Мейвен и Лоример не смогли бы сказать, намеренно или из-за полного опьянения. Неуклюжий удар прошел мимо. Обернувшись, он ударом кулака в голову отшвырнул мальчишку. Выпад был хорош, но потом старый пьяница закружился, размахивая руками и пытаясь сохранить равновесие. Парень медленно опустился к его ногам, а потом упал в грязь лицом. Старику наконец удалось восстановить баланс, но он тут же согнулся пополам и изверг на затылок парня пенистую струю эля и желчи.

Из дверей таверны послышался недовольный ропот, и монеты снова перешли из рук в руки. Постепенно успокаиваясь, посетители возвращались назад, в тепло, к кружкам с элем.

Лоример сердито посмотрел на Мейвен.

– Это старое дряхлое существо и есть Тиарнах, который когда-то был богом войны? Ты уверена?

Мейвен прикрыла глаза и вздохнула.

– Полубогом, скорее, но ему не нравилось это звание. Да, я совершенно уверена, это он. Ты не думаешь, что и сам глубоко пал, Лоример?

Тиарнах зевнул, потом медленно завалился на спину мальчишки-крестьянина, соскользнул на землю и устроился рядом с противником в луже грязи и собственной рвоты с громким храпом, который разбудил бы и мертвого.

Мейвен сжала переносицу.

– У меня уже голова болит. Чтоб ему провалиться. Чую, он для нас станет еще худшим кошмаром, чем прежде.

Лоример ядовито фыркнул и приблизился к их цели. Тиарнах вонял не только свежей рвотой и спиртным, но еще застарелым потом и кислым запахом мочи. Лоример вцепился в сальные волосы и приподнял из грязи голову Тиарнаха, чтобы рассмотреть повнимательнее.

– Морда вся в свежих шрамах, и от них заразой несет, – сказал Лоример. – Он не бог и не полубог. Простой смертный, чьи лучшие времена давно позади, жалкий пьяница, и ничего больше.

– Тиарнах был богом войны из клана Кахалгилроев, – сказала Мейвен. – Разумеется, мелким богом, но все же древним и грозным. Несмотря на то, каков он сейчас, его знания о ведении войн остаются непревзойденными.

В глазах Лоримера отразилось большое сомнение.

– Никто из людей не сражался свирепее, чем Кахалы. Те безумцы дрались выше всяких похвал, могли даже сравниться со мной. – В его голосе промелькнула тень восхищения. Мейвен доводилось слышать от него нечто подобное, но нечасто. – Как же он дошел до такого жалкого состояния?

– В записях Черной Герран говорится, что после неудачного штурма стен Ракатолла ослабевшие остатки Кахала были загнаны и истреблены лет двадцать назад теми, кто впоследствии назвался Империей света, – сказала Мейвен. – Из их рода не выжил никто, не осталось ни единого мужчины, женщины или ребенка. Тиарнах – бог, лишенный народа, а его бывшее могущество теперь – только шепот ветра.

– Он позорит память своего племени, смотреть стыдно, – сказал Лоример.

Мейвен нахмурилась.

– Он потерял все. И семью, и друзей, и своих последователей – весь народ.

– Ты такая чувствительная. Я разбередил рану, Мейвен? Что с твоей семьей?

– Когда ты в последний раз любил хоть кого-нибудь, толстокожий старый урод?

Лоример отпустил голову Тиарнаха, и та шлепнулась в грязь. Потом обратился бесстрастное лицо к Мейвен.

– Мне знакома любовь. У меня с любовью никогда не было проблем. А тебе придется тащить его в одиночку. Я отказываюсь нести этого вонючего свинтуса.

Парень, которому попало по яйцам, с трудом поднялся на ноги и побрел к Лоримеру.

– Никуда вы этого подонка не заберете. Он задолжал...

Грудь мальчишки хрустнула под когтистой лапой. Вампир выдрал из нее сердце, фонтаном хлынула кровь. Мейвен содрогнулась – она даже не уловила движения Лоримера. Парень долю секунды смотрел на дыру в груди, а потом рухнул в грязь.

– Закушу на дорожку, – сказал Лоример.

Зубы у него уже удлинились, превращаясь в клыки. Он с наслаждением вгрызся в дымящееся сердце и неспешно ушел в темноту, оставив Мейвен в одиночку разбираться с бесчувственным телом человека, который когда-то был богом.

Тиарнах погрузился в старый кошмар. Он опять переживал момент славы, но страдал, зная, что близок худший момент его жизни, а он не в силах ничего изменить.

Бог войны улыбнулся и пронзил мечом грудь старого мельника, наслаждаясь кровью, хлынувшей на руки. Он издал клич победы, воздев к небу покрытый кровью кулак, и его солдаты подхватили призыв. Мельник был последним из тех обитателей Мельницы Феноха, кто сражался против Кахалгилроев. Тиарнах восхищался мужеством старика, оказал ему честь

умереть от руки самого бога. В знак почтения он заберет с собой его череп, сохранит в своем замке. Остальные жители той деревни – просто жалкие дворянчики и умрут как черви, утопленными в реке, а не с честью на поле битвы.

Кахалгилрои никогда не были крестьянами и не рылись в земле – они были воинами, налетчиками, спускавшимися с холмов, совершали набеги на деревни и города слабаков-южан, утоляя свои пристрастия к женщинам, мужчинам, мясу и элю. Жители Брода Феноха разумно платили дань товарами и скотом, но их соседи с водяной мельницы проявили неповиновение. Нужно было преподать им урок, пока остальных не заразил их пример.

Люди Тиарнаха взвыли от радости, обнаружив в мельничном погребе бочки, а когда их вскрыли, оказалось, что они полны не эля, а чужестранного бренди. Размалеванные деревенские шлюхи развлекали воинов, звуки пиршества, совокупления и крики мучений оглашали воздух всю ночь напролет. В предрассветный час кто-то бросил вызов богу, предложил в одиночку осушить бочку бренди. Тиарнах принял вызов, и поскольку был бессмертен и юн, преуспел. Но ценой потери памяти и сознания.

Огонь вывел его из пьяного забытья, сапоги уже тлели, пламя лизало грязную кожу. Тиарнах застонал и с трудом поднялся. В голове стучало и звенело. Дым струился сквозь половицы, деревянная лестница, ведущая вниз, превратилась в ад.

Мельница была охвачена пламенем. Снаружи кричали люди. Распахнув оконные ставни, он увидел, что горит вся деревня, все двери заблокированы снаружи, а внутри его люди зовут на помощь, задыхаясь в дыму. Еще больше воинов Кахалгилроя лежали мертвыми под одеялами – им перерезали горло, пока они спали, одурманенные спиртным. По деревне сновали солдаты в кольчугах, они уничтожили большинство соратников Тиарнаха прежде, чем те смогли дать им достойный отпор.

Отряд лучников возглавлял человек в доспехах из серебра и с эмблемой Королевства света на белом камзоле, забрало шлема было сделано в форме соколиного клюва. Он смеялся, и с ним вместе веселились размалеванные деревенские шлюхи, очищая свои ножи от крови людей рода Тиарнаха.

Бог войны зарычал и по скрипучему мельничному колесу ловко спустился на поле битвы.

– Я вас всех сейчас выпотрошу, как свиней! – крикнул он.

– Твои люди подошли от рук принца Сокола, – прокричал главарь. – И ты умрешь так же, язычник.

Тиарнаха ударила в грудь стрела, а другая глубоко вонзилась в бедро. Игнорируя их, он прыгнул с колеса прямо на солдата, вдавив его шлем в землю так, что расплющился череп. Тиарнах подхватил выпавший меч и неожиданно пошатнулся. Его тошнило, а изнутри заполняла ужасающая пустота. Его сила утекала прочь, как из лопнувшего бурдюка.

Где-то там, далеко на севере, умирали семьи его воинов, его преданные сторонники.

– Неотесанные дикари, – сказал рыцарь. – Убивать их, пока ты спал, было до смешного легко. Я надеюсь, вы как следует насладились бренди из моих бочек, ведь оно для вас стало последним. А сейчас сир Маллеус, моя правая рука, сжигает вашу спрятанную деревню, а всех жителей предает мечу. Кахалгилроям, разбойникам и убийцам, приходит конец.

Тиарнах взревел и поднял меч. В его горло вонзилась стрела. Что за боль! Гибли веровавшие в него, и он опять становился смертным. Он качнулся назад и свалился в реку. Ему в рот хлынули кровь и вода, заглушили крик и потащили в водоворот.

Он очнулся с криком, выброшенный на берег на много лиг ниже по течению. Он был жив и цел, раны исцелились остатками божественной силы. Но он был один. Совершенно один. Весь род Кахалгилроев уничтожен – и мужчины, и женщины, даже благословенные малыши...

Неделю он добирался до своей потаенной деревни. Мерзавцы из Империи света бросили трупы на растерзание волкам и падальщикам. Тиарнах устроил погребальный костер и смотрел,

как они горят, и рыдал, и выл, пока не иссякли слезы. Став не богом, а простым человеком, он отправился мстить.

И проиграл.

Раз за разом он терпел поражение, пока это не сломило его. Он оставил попытки, поскольку Королевство света стало набирающей силу империей с принцем Соколом во главе.

Двадцать лет неудач – ну как тут не измениться...

Тиарнах вдруг очнулся от этого старого кошмара – вымокший и замерзший, он лежал лицом вниз на неструганых досках, и в щеку вонзались занозы. В пересохшем горле остался кислотный ожог от рвоты, а в черепе как будто стучала армия кузнецов. Бывший бог перекатился на спину, поморгал, прогоняя сон и глядя в серые облака. Он разинул рот – поймать брызги дождя, но это не помогало.

Качка вверх и вниз, стук копыт и хлюпанье колес по грязи подсказали Тиарнаху, что его бросили в телегу. Он почуял запах крови, и, скорее всего, не своей. Видно, снова попался работоторговцам. Они пожалеют, что подобрали его.

Он приподнял больную тяжелую голову и увидел двух возниц в капюшонах, защищающих от дождя. Он попробовал увлажнить потрескавшиеся губы и скривился, задев трещину жестким, как наждак, языком.

По обочине брело насквозь вымокшее семейство из пяти человек. За плечами в мешках они несли немногочисленные пожитки. Очередные беженцы от чисток имперцев на севере. Легкая добыча для разбойников или для нуждавшегося в монетах старого воина.

– Пассажир-то очнулся, – сказал низким мужским голосом тот, кто держал поводья тянувшей их лошаденки, облезлой и жалкой.

К Тиарнаху обернулась другая укрытая капюшоном фигура, и он ухмыльнулся, заметив под плащом выпуклости груди. А потом увидел жадно тянущиеся к нему черные щупальца татуировки, извивавшейся по ее лицу.

– Что за хрень у тебя на лице? – ляпнул он.

– Прирожденный соблазнитель, – заметил мужчина. – Вероятно, ему нравятся пухленькие и красивые.

Женщина прищурилась.

– Да я не про то, – сказал Тиарнах. – Шрамы – это история. Так зачем их прятать за этой странной татуировкой?

– Мои дела тебя не касаются, – прошипела женщина. – И запомни это как следует, Тиарнах.

– Маленькая злючка? – осклабился он. – Погоди... а откуда ты знаешь мое имя?

Человек, сидевший впереди, обернулся, показав свою темную кожу и полоску черной ткани, закрывающую глаза. Тиарнах заморгал и сел, и немедленно пожалел об этом. Он перегнулся через борт телеги, и его вырвало.

– Слушай, черный парень, там, впереди, – выговорил он. – Либо ты слепой, либо кровопийца из Придела теней. Ну и кто ты, а?

Незнакомец фыркнул.

– Ты, похоже, еще не все мозги пропил.

Сидящая впереди женщина усмехнулась.

Тиарнах застонал и потер виски.

– Уж не знаю, кто ты такая, детка, в голову лезут только всякие глупости – вроде как на колдунью похожа. Но вот он... я-то старше, чем вам, наверное, кажется. Я достаточно стар, чтобы помнить чернокожее племя, что нашло себе дом в северных холмах. А по эту сторону моря я встречал таких редко, разве только в портах, и никто из них не пах кровью.

– Ну и что ты помнишь про мой народ? – поинтересовался мужчина.

Тиарнах поморщился, роясь в пыльных воспоминаниях.

– Они были крутые бойцы. И к тому же очень ученые – что касается звездных карт и такого всякого. В их роду была сильная злая магия – оборотни, шаманы, кровавые маги и тому подобное. Стой, нет, этот голос... да неужели? Лоример Фелле?

– Надо же, как забавно, – сказала женщина, оборачиваясь к вознице. – Я два года с тобой провела, а вот этот рассказал мне больше о вашей истории, чем ты за все время.

Лоример молчал и глядел на дорогу перед собой.

Тиарнах застонал.

– Вот оно что. Эта трупная вонь означает присутствие некроманта. Она что, твоя баба? Или... вот дерьмо. – Он прищурился, глядя сквозь дождь. – Это ж чертова Мейвен, да? Будь все проклято. А я-то думал, что давным-давно избавился от вас, ублюдков.

Мейвен обернулась с холодной улыбкой.

– Так приятно снова встретиться с тобой, Тиарнах.

Его день ухудшался с каждой секундой. Тиарнах насупился и с трудом поднялся на колени, пытаясь нащупать на бедре меч, который год назад променял на бочонок эля в какой-то грязной таверне.

– А с какого хрена я оказался в вашей телеге?

– Храбрый, дерзкий и малость тупой, – сказала Мейвен. – Просто вылитый бог войны. Тебя призвали на службу, мой дорогой Тиарнах. Черная Герран вернулась и готовится к битве.

Тиарнах содрогнулся. Позабыв про похмелье, он взревел, выдернул из сапога клинок и метнулся к Мейвен, целя ей кинжалом в затылок.

Лоример обернуться не потрудился, только выбросил правую руку, блокируя выпад. Лезвие вошло глубоко, проскрежетав по кости.

– Ты, похоже, подрастерял свои навыки, – сказал Лоример, выворачивая кинжал из руки Тиарнаха. – Эта греховодница задолжала мне услугу, и я присмотрю за тем, чтобы она выжила и расплатилась.

Вампир продолжил отводить лошадь от самых глубоких луж и ухабов, а кинжал оставил торчать в своей руке, для пущей важности.

Ни единого шанса победить в этой схватке. Тиарнах со стоном рухнул обратно на дно телеги, стараясь, чтобы не вырвало снова.

– А от меня вы чего хотите?

– Чего мы хотим? – усмехнулась Мейвен. – Ты неправильно понял. Мы собираемся предложить тебе то, чего хочешь ты. Предлагаем славную смерть в битве с невероятной силой. Ну а если сможешь достаточно надолго оторваться от кружки с элем, тогда мы предложим тебе шанс уничтожить Империю света. Ведь они убили последних твоих сородичей, разве нет?

Вся физическая боль теперь перестала что-либо значить. Некромантка целиком завладела его вниманием. Долгий миг он молча смотрел на нее.

– Да. Еще до того, как они назвались империей. Только я не тот, что прежде. Я пропащий старый бродяга. Да и вас двоих мало, чтобы сразиться со Светлыми. Что до Черной Герран, она трусиха и предательница.

– Кто сказал, что мы будем одни? – отозвалась Мейвен. – Скоро к нам присоединятся и остальные.

– Значит, снова собираются вместе уцелевшие капитаны Черной Герран, – сказал Тиарнах. – Так-так. Предводитель самозванных посвященных рыцарей Империи света, принц Сокол, несет ответственность за уничтожение моего народа. – Он сжал кулаки. – Я набью дерьма ему в глотку, а голову насажу на палку, чтобы все увидели!

Она пожала плечами.

– Да пожалуйста – если сможешь его убить. Я обещаю тебе лишь возможность встретиться с ним в бою.

– Мне и этого хватит, – ответил он, провожая взглядом жалкую семью беженцев, бредущую по грязи вслед за телегой. – Моя жизнь все равно ничего не стоит. Почему бы и не согласиться на твой самоубийственный план. Буду тыкать мечом прямо в мягкий зад серебряного ублюдка, пока не проткну насквозь, до трусливой глотки.

Он помедлил, раздумывая.

– Эй, у вас, случайно, меча для меня не найдется? С моим коротким кинжалом выйдет малость больше работы.

Глава 5

Таверна «Ворон» имела самую дурную репутацию, даже для портового города, куда частенько заходили пираты. Она ютилась в подвале склада в убогих доках Серповидной бухты и обслуживала пиратов, скупщиков краденого, наемников и всякого рода воруе. Это место не годилось для приличного общества, а потому именно здесь и оказались Мейвен, Лоример и Тиарнах – жалкая, промокшая троица хлюпала по грязи и слякоти пешком, направляясь к ярко-красной двери, за которой манили надежды на пылающий очаг, горячую пищу и выпивку.

Солнце опускалось в бурлящие волны бухты, и белые барашки на них окрашивались в красный и золотой, а потом быстро потускнели, и сгустилась темнота. На горизонте взошли Близнецы, их бледное лунное сияние накрыло море серебристым покрывалом. Лоример убрал с чувствительных глаз повязку и вздохнул, предвкушая изумительный вид. Однако его спутники не способны были оценить эту красоту.

– Не стоило тебе жрать лошадь, – проворчал Тиарнах, обтирая о порог грязь с замызганных сапог. – Один из нас мог бы ехать на ней верхом, после того как у телеги сломалось колесо.

Лоример повел плечами.

– А мне кажется, это по-честному. С какой стати мы должны топтать, пока она едет верхом?

– Может, верхом ехал бы я, – возразил Тиарнах.

– Вы заткнетесь уже, болтливые уроды? – огрызнулась Мейвен. – Непохоже, чтобы ты замерз или устал, Лоример. А судя по тому, в каком состоянии мы нашли Тиарнаха, ему плевать, если он с головы до пят вымажется в грязи. – Она сердито уставилась на собственные заляпанные сапоги и плащ. – Чтоб ты сгорел, Лоример, мне нужно поторговаться с этими людьми, а из-за тебя я выгляжу как грязная нищенка.

Лоример хмыкнул.

– Прошу прощения. Я совсем забыл, что пираты такие чистюли и неженки.

Она нахмурилась, толчком открыла дверь и зашагала вниз по лестнице в подвал.

Когда они открыли вторую красную дверь и вошли в таверну «Ворон», их окатила волна тепла, света и веселой болтовни. Лоример заморгал, принаравливаясь к тусклому освещению. Мужчины и женщины всех верований и рас теснились на скамьях в свете чадающих факелов, и зал наполняли смех и похабные песни. Деревянные стены из неструганных досок были украшены объявлениями о розыске преступников из всех городов и городков Эссорана. Некоторые были даже заморскими, написанными странным тягучим шрифтом. На каждом плакате был изображен потрепанный всеми ветрами пират или злобный бандит со списком своих темных делишек.

На дальней стене висел заляпанный флаг Империи света. Три пьяных моряка использовали его в качестве мишени для метания ножей, поставив деньги на то, кто попадет в центр сияющей эмблемы солнца. Люди плевали во флаг, проходя мимо, – здесь никто не любил фанатиков. Некоторые тревожно перешептывались, рассказывая о войске, которое, по слухам, собирается в империи. Грядет священная война, утверждал один из них.

Тиарнах ухмыльнулся и двинулся напрямиком к бочкам с элем, где трактирщик в засаленной одежде наполнял кружку пенным нектаром.

Лоример схватил Тиарнаха за руку.

– Не вздумай пропить все мозги. Нам нет никакого прока от пьяного придурка.

Тиарнах попытался выдернуть руку, но тщетно. Лоример был гораздо сильнее любого человека. После нескольких секунд напряженной борьбы они расцепились, и Тиарнах, бормоча ругательства, направился к бару.

– Эля. Платит вот этот черный здоровяк.

Лоример бросил трактирщику монету за эль и чарку дешевого вина для себя и сел на шаткий табурет в углу. К ним подошел темнокожий моряк в синих татуировках и с золотыми серьгами в носу и пирсингом в щеках, вероятно, приняв за своих соотечественников, которые забрались далеко от дома. Вампир хмуро зыркнул на него, и моряк решил обратиться подобру-поздорову. Предки Лоримера бежали из-за моря, потому что были единственными в своем роде, и он заявлял, что другой родни у него нет.

Мейвен осмотрелась и нашла нужного моряка – громогласного лысого мужчину с бронзовой кожей, золотыми кольцами в ушах и длинными усами. Он сидел за столом вместе с разным сбродом и бросал кости из стакана.

– Это ты Крагган? – спросила она.

Взгляд моряка скользнул от кубиков и остановился на ее фигуре, даже не задержавшись на лице.

– Он самый, деваха.

Он оттолкнул своего товарища, освобождая место рядом с собой на скамье, и когда Мейвен села, положил руку ей на колено. Рука медленно поползла вверх.

– Выпей со старым Крагганом, дорогуша. А потом можем...

Он наконец-то поднял взгляд и заметил татуировки, извивающиеся по ее покрытому шрамами лицу. Его тирада превратилась в сдавленный кашель. Крагган отдернул руку и уставился на свои серые, безжизненные пальцы и пульсирующие черные вены, ползущие к запястью. Он вскочил и попятился. Его товарищи встревоженно переглянулись, встали и выхватили кинжалы из-за пояса.

– Еще раз позволишь себе такие вольности – и лишишься руки, – сказала Мейвен. – Если я буду доброй. Я пришла по делу и не собираюсь трепаться с тобой попусту.

Он нервно сглотнул и кивнул. Поток жизни медленно возвращался к кончикам пальцев. Мейвен свела брови.

– Ты должен отвести меня к Верене Авилданской. Мы с ней старые друзья.

От их стола тишина, словно рябь, разошлась по всей таверне. Все головы повернулись в их сторону.

Прислонившись к стойке бара с кружкой пива в руке и пеной на усах, Тиарнах засмеялся. Во внезапно установившейся тишине смех прозвучал резко и издевательски.

– Вы уж лучше прислушайтесь к этой сучке, ребята, а не то она подвесит ваши яйца вместо сережек в уши.

Его смех разозлил посетителей таверны. Крагган сжал пальцы и вытащил из-за пояса здоровенный зазубренный нож. Потом сердито посмотрел на Тиарнаха и повернулся к Мейвен.

– Друзья? Скорее уж враги. Кто ты такая, чтобы являться сюда и чего-то от меня требовать? Может, я лучше довершу начатое кем-то другим и расколю тебе черепушку.

Двое его товарищей подошли ближе, один старый и грузный, а другой – молодой и задиристый, оба с остро заточенными саблями.

Мейвен взглянула на своих союзников – ни один явно не собирался ей помогать. Тиарнах смотрел на стычку со злорадством, а Лоример сидел со скучающим видом.

Она выдавила дружелюбную улыбку.

– Я бы предпочла, чтобы ты отвел нас к Верене.

Он только фыркнул.

– Ладно, – продолжила она. – Сколько твоих дружков мне надо убить, чтобы ты подчинился? Хорошо бы ты назвал точное число.

Моряк засмеялся.

– Сдается мне, ты совсем попутала берега.

Мейвен вытянула руку к стоящему справа от Краггана мужчине постарше, чья жизненная сила была совсем слабой, а сердце билось с перебойями из-за многих лет потакания дурным привычкам. Рука Мейвен сжалась в кулак. Мужчина застыл, а потом рухнул, как марионетка с подрезанными нитями. Он забился в конвульсиях, на губах выступила пена.

– Один.

Она указала на молодого человека слева, и его шея омертвела. Лицо стало багрово-красным и раздулось, потом посинело и позеленело, а он раздирал ногтями распухшее горло и разинутый рот. На его лице лопнули кровеносные сосуды, и он тоже рухнул.

– Два.

Какой-то человек подошел к ней со спины и одной рукой схватил ее заплечный мешок, а другой собирался всадить нож ей меж ребер. Мейвен даже не обернулась. Кожа и мышца его ладоней съжились и превратились в пепел, кости с клацаньем упали на пол. Мужчина закричал.

– Три.

Все посетители таверны обступили Мейвен с ножами в руках.

– Хватит! – выкрикнул Крагган. – Ради любви к морю, отойдите от нее.

Все замерли, сбитые с толку. Крагган уставился на нее, как на ядовитую змею, свернувшуюся на поясе. Может, он прежде и видел магию, но ничего похожего на это. Однако знал достаточно, чтобы страшно испугаться.

Он облизал губы и откашлялся.

– Хватит. Я сделаю то, что ты просишь.

– Это ведь было несложно, правда? – сказала Мейвен, похлопав его по плечу, отчего Крагган поежился. – Это все упрощает. – Она наклонилась к его уху. – Может, позже я даже приглашу тебя в мою постель. Только представь, как мы повеселимся.

Она проводила дрожащего Краггана и двух его приятелей к двери, остановившись, чтобы поговорить с Тиарнахом.

– Еще раз назовешь меня сукой, пропойца, и я нашлю гниль на твой член.

Когда она вышла, Тиарнах ухмыльнулся.

Лоример встал.

– Глупо было настраивать против себя Мейвен. Она заставит тебя заплатить за то, что вмешался.

– Ага, – ответил он. – Так я и думал. Но если ты считаешь, что я ввяжусь в битву, не разобравшись в собственных союзниках, то ты ничего не понимаешь в войне. Я не настолько пьян. А она, похоже, такая же мерзкая, как и раньше. – Он допил остатки эля, поднял саблю одного из мертвецов и проверил ее острие пальцем. – Слегка затупилась. Значит, надо будет сильнее всадить в задницу принца Сокола.

Лоример на мгновение задумался над сказанным, а потом повернулся к гудящей толпе пьяниц.

– Желая вам хорошо провести вечер, прекрасные дамы и господа. Прошу, не стесняйтесь, подходите к нам с оружием в руках. – Он ухмыльнулся, так что в свете факелов сверкнули акульки зубы, а затем последовал за своими спутниками. Он был крайне разочарован, что никто не принял его предложение. Съеденная лошадь немного утолила вечный голод, но грубой крови животного не доставало богатой и сложной палитры ароматов нормальной еды, а как лорд Придела теней он привык к изысканным блюдам.

На борту каравеллы Краггана «Хитрый грифон» Мейвен не потребовалось много времени, чтобы собрать всю разношерстную команду флибустьеров и заставить их заняться подготовкой корабля к отплытию. Посеревшее и испуганное лицо их капитана было достаточно убедительным, но хватило бы и перемен в облике Лоримера – его кожа пузырилась, отрастали когти и шипы.

– Что это с тобой, здоровяк? – спросил Тиарнах.

Лоример тихо взвыл, сердито уставившись на Мейвен.

– Ты не говорила, что придется плыть по морю.

Она озадаченно нахмурилась.

– Я надеялась найти ее на берегу Серповидной бухты, но Верена – королева авилданских пиратов, так что вряд ли это совсем уж неожиданно.

– Я подожду на берегу, – заявил он.

Мейвен покачала головой.

– Ты поклялся защищать Тарнбрук. А сидя здесь без дела, ты не сумеешь его защитить.

Он с рычанием расхаживал по палубе, и моряки каждый раз старались убрать с его пути. Двое отказались спускаться с рей, а один сиганул за борт, к привязанной к кораблю гребной шлюпке, только чтобы оказаться подальше от него.

Тиарнах поднялся на шканцы и прислонился к фальшборту, поглядывая на матросов, пока Мейвен тихо переговаривалась с капитаном. Подняли якорь, паруса наполнились ветром, и вскоре изящная каравелла уже рассекала волны. Полумесяц берега и мерцающие огни доков и домов Серповидной бухты постепенно исчезали в темноте, оставляя их наедине с темным морем, где путь указывали только свет Блинецов и россыпь звезд.

Лоример посмотрел на море, а его когти впились в деревянный фальшборт, оставляя глубокие борозды, пока палуба вздымалась и уходила из-под ног.

К нему приблизилась Мейвен и свела брови вместе.

– В чем дело? Я никогда не видела тебя таким взбудораженным.

– Неужели здоровенный и злобный любитель выпить крови страдает от морской болезни? – спросил Тиарнах.

Лоример перегнулся через фальшборт и изверг из себя поток красной жижи. Тиарнах засмеялся.

– Я вырву тебе селезенку, рыжая сволочь, – простонал Лоример.

Мейвен вздернула брови.

– Seriously? У тебя морская болезнь?

Лоример обмяк и изо всех сил ухватился за фальшборт.

– Все мои чувства обострены. А ваши как будто одеялом накрыли.

Мейвен хмыкнула.

– Теперь понятно. Что ж, может, тебе сон и не требуется, но мне он нужен. А ты постоишь в карауле и разбудишь меня, если произойдет что-нибудь интересное.

С этими словами она удалилась вниз.

– Ничего страшного, здоровяк, – сказал Тиарнах. – Я еще тут и могу за тобой присмотреть.

Лоример взревел и попытался ответить, но вместо этого его снова вырвало.

Поскольку Лоример совершенно ослаб, прошло совсем немного времени, прежде чем один моряк набрался храбрости подойти к Тиарнаху, который был гораздо больше похож на нормального человека.

Босоногий мальчишка в широких льняных штанах бочком подошел к нему и нервно сглотнул, прежде чем заговорить.

– Э-э-э... простите, – сказал он. – А вы кто? – Он с опаской покосился на Лоримера. – Кто вы такие, а?

– Да не бойся ты, парень! Твой чудный капитан доставит нашу колдунью к Верене Авилданской. – Вся команда застыла, напряженно прислушиваясь. – Мы с ней старые друзья.

Тиарнах не видел нужды деликатничать и, как правило, всегда предпочитал говорить напрямую. Все эти пляски вокруг да около его раздражали, а самые скользкие типы могли растягивать эту чепуху на много дней.

Мальчишка вспотел.

– У нашей королевы нет друзей, – прошептал он. – Она – чудовище. Она сдерет с вас кожу живьем за то, что захватили ее корабль. Лучше стащите шлюпку и попытайте счастья в другом месте.

Тиарнах поковырялся пальцем в ухе, а потом внимательно изучил комочки серы.

– Правда? Наша колдунья говорит, что напустит гниль на член любого мужчины, который переступит черту. – Это была полуправда, но Тиарнах считал, что так она, скорее всего, и поступит. Уж наверняка на это способна. – Я предпочитаю не рисковать. А что до того здоровья, он запросто вырвет тебе сердце и сожрет его.

Мальчишка опять нервно сглотнул.

– А ты?

Тиарнах печально улыбнулся.

– Я? Я теперь никто. Всего лишь пьяный старый дуралей с мечом и дурными манерами.

Парень и остальные моряки недоверчиво покосились на него, решив, что он пытается скрыть еще более страшные тайны. Тиарнах поднял голову и посмотрел на Блинецов. Сквозь черные тучи прорывались серебристые лучи. Когда-то он был кем-то гораздо более значительным...

– Оставь меня в покое, парень. Если ты знаешь, что для тебя полезно, займись своим делом.

Он устроился на палубе и прислонился головой к бухте каната. Закрыв глаза, вспомнил старые битвы, снова услышал лязг стали и крики умирающих врагов, тысячи голосов, вопящих в агонии и молящих о пощаде. Ни один смертный никогда не получал пощады от Кахалгилроя. Но теперь былые победы не наполняли его прежним ликованием. Огонь в нем догорел, оставив лишь пепел. Внутри у него было пусто, после гибели его клана все казалось бессмысленным.

Он вытащил из-под грязной рубахи маленькую глиняную флягу с виски, украденную из таверны «Ворон» во время заварушки, и опустошил половину в несколько больших глотков. Тиарнах почти не ощутил обжигающего горло вкуса, но туман забвения был таким долгожданным отдыхом, и на мгновение он закрыл глаза...

Жуткий грохот и вопли пробудили Тиарнаха как раз вовремя, чтобы он успел заметить блеск лунного сияния на острие кинжала, опускающегося к его глазу. Тиарнах перекатился в сторону и дернул ногой. Сапог врезался в лодыжку нападавшего, и что-то хрустнуло. Мальчишка взвыл и рухнул на палубу. Тиарнах, покачиваясь, встал и осмотрелся, заметив сломанный фальшборт, отсутствие Лоримера и двух моряков, корчащихся в агонии, они прижимали к себе раздробленные руки, из которых торчали белые кости. И ни следа остальной команды.

Тиарнах вытащил оружие и посмотрел за борт. В море барахтался Лоример, в отчаянии цепляясь за обломок фальшборта и взывая о помощи, пока качался вверх-вниз на волнах. Плавал вампир как здоровенный валун. Тиарнах повернулся обратно к нападавшему.

Парнишка поднял руки.

– Пожалуйста, я только...

Сабля срезала его ладонь. Он взвыл, а из обрубка брызнула кровь. Потом Тиарнах пнул его сапогом по лицу, сломав челюсть, и мальчишка заткнулся.

Тиарнах плюнул ему в окровавленное лицо.

– Если ты достаточно взрослый, чтобы убивать, то достаточно взрослый, чтобы умереть.

Он подбежал к двум морякам, которых покалечил Лоример, когда свалился за борт. Они не оказали почти никакого сопротивления, когда он взмахнул саблей. Он поискал остальных членов команды, но заметил лишь, что привязанная к корме шлюпка пропала. Увидев вспенивающие море весла и поднимающийся на мачте парус, он выругался.

– Я выпущу вам кишки, так и знайте! – прокричал он, размахивая саблей.

В дверь со шканцев вбежала Мейвен, сонно щурясь. Ее волосы были всклокочены.

– Что за крики?

– Мерзкие ублюдки сбежали с корабля, – объяснил он.

– А где Лоример? – спросила она.

– Похоже, они выбросили его за борт, прежде чем свалили.

– Брось ему веревку, пока он не утонул.

Мейвен снова спустилась и обнаружила Краггана сидящим на том же месте, где она его оставила. Он преспокойно курил глиняную трубку.

– Что-то случилось? – поинтересовался он.

– Прикажи своей команде вернуться на места.

Он засопел.

– Верена приказала покинуть корабль, если мы столкнемся с кем-то вроде вас. Она не позволит врагам, обладающим такой силой, высадиться на берегах Авилдана.

– Я лишь хочу с ней поговорить, болван! – рявкнула Мейвен.

Он пожал плечами.

– Тогда пошли ей письмо. Через несколько недель...

– Нет у меня нескольких недель, да и у нее нет времени на подобные глупости! Если ты меня не послушаешься, все, что тебе дорого, может исчезнуть.

– Делай со мной что хочешь. Я не предаю свою королеву.

– Преданность, да? – сказал из дверного проема Тиарнах. – Я в восхищении. – Он ткнул большим пальцем через плечо. – Вот только, боюсь, тому здоровяку на это плевать.

Мокрый Лоример загородил дверной проем, излучая свирепость и скалясь.

Уверенность Краггана пошла трещинами, и трубка выпала из его рта.

– Делайте со мной что хотите, – повторил он, но без прежней убежденности, – но без команды вы ничего не сможете.

Мейвен улыбнулась.

– Ну команда-то у меня есть.

Она сосредоточилась и выпустила магический заряд в три трупа на палубе. Пусть они и мертвы, но мышцы еще помнят, что нужно делать.

Из бесполезных легких с шумом вырывался воздух. Мертвецы поднялись и пошли к ним, волоча ноги. Когда за спиной Лоримера появился парень с оторванной рукой и разбитой головой, от лица капитана отхлынула кровь.

– Я не какая-то жалкая колдунья, капитан. Я гораздо страшнее. – Взмахом руки она отогнала мертвецов. – Давайте пойдем в вашу каюту и обсудим все подробнее. Уверена, что у вас найдется приличная выпивка, когда я мучаю людей, то изнываю от жажды.

Оживленные трупы потащили брыкающегося и вопящего капитана прочь.

Лоример и Тиарнах слушали вопли на палубе. Мертвецы вернулись и молча принялись за работу, крутили штурвал и ставили паруса, насколько у них получалось, учитывая отсутствие некоторых частей тела.

В конце концов Тиарнах осознал, что они слишком долго молчат.

– Мейвен, как всегда, наводит шороху.

Лоример покосился на него.

– Как и ты в свои лучшие годы.

Тиарнах печально улыбнулся.

– Да уж, славные были денечки. Я был совершенно бесстрашен.

Под палубой крики перешли в рыдания.

– Так, значит, ты не умеешь плавать? – сказал Тиарнах. – Вот уж не думал. И как им удалось выкинуть тебя за борт?

– Если бы ты не заснул, то увидел бы сам, – ответил Лоример. – Лучше придержи язык, а не то я его вырву.

Тиарнах собрался уже глупо пошутить, но медленно закрыл рот и протянул Лоримеру свою флягу с виски. Вампир взял ее и глотнул, одобрительно кивнув. Они молча передавали флягу друг другу, пока не допили. Крики и рыдания внизу продолжались до рассвета.

Глава 6

Первый помощник капитана «Хитрого грифона», стоящий на палубе мощного военного корабля «Шквал злобы», съежился под властным взглядом королевы Верены Авилданской. Выжившие члены команды старались не смотреть ей в лицо. Старуха была ему по плечо, и все же один взгляд ее темных раскосых глаз мог сломить человека, и это только что произошло. Она расхаживала перед ним взад-вперед в изящных черных туфлях, ритмично похлопывая по бархатной перчатке хлыстом с шипами.

Разбивающиеся о корпус волны привлекали меньше внимания моряков, чем стук хлыста их королевы о ладонь.

Ее волосы с проседью были аккуратно скоты в пучок, а на плечах лежал белый слинкс – зверек играл роль живой меховой накидки. Взбудораженный гневом хозяйки, редкий зверек открыл янтарные глаза и зевнул, показав острые, как иголки, зубы. По словам ученых, Ирусен принадлежала к семейству кошачьих, но больше напоминала хорька и была изящнее обоих видов. Верена на секунду отвлеклась, чтобы погладить пушистую щеку пальцем, и в награду слинкс заурчал от удовольствия.

Красное шелковое платье с изящным золотым шитьем выставляло напоказ изрядную часть загорелой груди. Такой наряд могла бы надеть девушка, чтобы соблазнить короля; хотя Верена знала, что кожа у нее уже не такая гладкая и подтянутая, как раньше, ей было наплевать. Кроме ее собственного мнения, имело значение лишь мнение одного человека, и он как раз собирался показать, как высоко ее ценит. Она с гордостью носила свои шрамы, оставленные сражениями и возрастом, даже уродливый морщинистый шрам на левом предплечье, прощальный подарок старого и злобного врага.

Она повернулась к команде Краггана.

– Вы прервали мой ужин, чтобы рассказывать эти бредни?

Моряк вздрогнул, на его лбу проступил пот.

– Клянусь, так все и было, моя королева. Капитан сказал, что женщина с татуировками убила Эка и Толстяка Тома с помощью колдовства, а еще один из их компании вообще какой-то не такой, даже на человека не похож. – Некоторые моряки забормотали, выражая согласие. – Крагган всегда говорил, что мы должны покинуть корабль и капитана, если нас возьмут на abordаж колдуны. Они перебили всех, кто пытался удержать корабль. Мы бросили их посреди моря без единого моряка на борту.

Она наклонилась ближе и уставилась на него в поисках хоть одного намека на ложь. Но не нашла ничего, кроме искренней паники.

– Свистать всех наверх, и готовьте оружие. Идем возвращать «Хитрого грифона».

Несколько десятков пиратов стукнули кулаками по груди и поспешили занять свои места. Впередсмотрящий прокричал с «вороньего гнезда»:

– Корабль! Парус по правому борту!

Верена ругнулась и побежала в капитанскую каюту. Ее муж встал из-за обеденного стола, наполовину расстегнув рубашку. Верена остановилась на мгновение, залюбовавшись им.

– Для этого нет времени, Генри. Не выпускай на палубу внуков.

Она поставила на пол Ирусен, аккуратно сняла и сложила платье и надела кожаные сапоги и доспехи.

Генри протянул ей перевязь с мечом, и Верена пристегнула ее, опустив меч к бедру. Слинкс снова запрыгнул ей на плечо и свернулся вокруг шеи.

Генри крепко ее поцеловал.

– Береги себя, любимая. А я позабочусь о малышах.

Она ответила на поцелуй – как обещание вернуться и начать с того же момента, когда их прервали.

– Будем надеяться, что это толстобрюхий торговец с набитым золотом и вином трюмом. По правде говоря, ее терзало дурное предчувствие.

Поднявшись на шканцы, чтобы лучше видеть приближающееся судно, она выкрикнула приказы. На палубу поднялась ее личная охрана в тяжелых кольчугах, шлемах и со щитами, окружив ее стеной мышц и стали. Кое-кто натянул боевые луки и приложил стрелы с руку длинной, наконечники были обмотаны пропитанной дегтем тканью, которую можно в любой момент поджечь. Один телохранитель разжег угли в жаровне. К Верене подошел первый помощник Гормли – косматый гигант, настоящий зверь.

Он протянул ей подзорную трубу, и Верена всмотрелась в дымку над морем. Через некоторое время показались изящные изгибы знакомой каравеллы, идущей сквозь волны навстречу.

– Это «Хитрый грифон»! – прокричала она.

Гормли вытащил меч и попробовал острое мозолистым пальцем. Выступила тонкая полоска крови, и он довольно хмыкнул.

На палубе столпились в кучку бывшие моряки Краггана.

– Вы вроде говорили, что там нет ни одного живого моряка? – сказала она.

Моряки в смятении переглянулись, а потом посмотрели на своего первого помощника.

Верена треснула кулаком по деревянному фальшборту.

– Говорите, морские крысы, а не то я вырву вам языки!

Первый помощник с «Хитрого грифона» нервно сглотнул и вытер пот со лба грязным рукавом.

– Моя королева, я... Там никого не осталось, не считая Краггана. Мы все готовы поклясться, что они сухопутные крысы, правда ведь?

Команда молча созерцала свои ноги.

Верена указала на парус вдали:

– Но кто-то все-таки управляет кораблем. Вам остается только надеяться, что этому найдется разумное объяснение.

Они нервно кивнули.

– Вытаскивайте ножи, соленые псы! – выкрикнула Верена. – Если они пойдут на abordаж, сначала им придется сразиться с вами.

Моряки побелели и нерешительно топтались на месте, но подчинились. Как бы они ни боялись жуткой компании на борту «Хитрого грифона», но знали, что Верена спустит с них шкуру живьем, если услышит хоть одно возражение.

Когда «Хитрый грифон» подошел ближе, команда «Шквала злобы» притихла. А моряки с «Грифона» выстроились в шеренгу и вытащили оружие, чтобы смыть свой позор. Первый помощник замер, всматриваясь в далекие фигуры моряков, управляющих кораблем. И вдруг у него отвисла челюсть, а от лица отлила кровь. Он схватился за морское стеклышко – амулет Богини штормов, висящий у него на шее, и бормотал молитвы, отгоняющие злых духов.

– Что ты видишь? – спросила Верена.

Он повернулся к ней с вытаращенными от потрясения глазами.

– Кораблем управляют мертвецы.

Она изучила приближающийся корабль через подзорную трубу – теперь ее зрение было не таким острым, как прежде. На носу стоял немолодой безумец, раздетый до пояса, с огненными волосами и выпирающим животом, и размахивал мечом, но из-за дымки над морем трудно было разобрать больше подробностей. Ветер трепал его волосы и бороду, и он ухмылялся, словно предвкушая драку. Судя по шрамам по всему телу, он наверняка многое повидал. Верене он показался смутно знакомым, мелькнула искорка узнавания.

К мачте был привязан крупный темнокожий мужчина, представляющий более серьезную угрозу. То самое жуткое существо, о котором говорил первый помощник «Хитрого грифона». Его кожа была покрыта колючками и шипами, а на пальцах когти. Верена предположила, что это, возможно, оборотень. Редкий и опасный, как дикий зверь, но бояться не стоит – с этими злобными тварями можно справиться стрелой, пущенной в череп. Она молилась, чтобы он не оказался более грозным.

Пока она изучала приближающийся корабль и его немногочисленную команду, что-то привлекало ее внимание, что-то неправильное. Верена перевела подзорную трубу назад и уставилась на двух окровавленных мужчин, натягивающих канаты, и однорукого мальчишку со сломанной челюстью, стоящего за штурвалом. Из рваных ран торчали кости, а над головами моряков роились черные мухи.

Верена опустила подзорную трубу, потерла глаз и посмотрела еще раз.

– Сто акул в глотку!

Ошибки не было – кораблем управляли мертвецы.

Из каюты Краггана появилась женщина в плаще с капюшоном. Половина ее лица была покрыта странной татуировкой с черными щупальцами, напомнившими Верене об испорченном ужине. Это наверняка и есть колдунья-убийца, о которой говорили моряки с «Хитрого грифона». Когда женщина повернулась и посмотрела прямо на Верену, по ее спине пробежал холодок страха.

Проклятье. Мейвен. Это объясняло, почему кораблем управляют трупы.

В последний раз она встречалась с бессердечной некроманткой сорок лет назад и предпочла бы не встречаться еще лет сто. Начала зудеть старая рана на руке. Верена когда-то командовала флотом Черной Герран, поэтому, к счастью, редко встречалась с командирами сухопутных войск. К сожалению, это означало, что в основном ей приходилось иметь дело с правой рукой Черной Герран – Мейвен.

Верена продолжила наблюдение. Некромантка обменялась парой слов с оборотнем, судя по выражению лица, она сердилась. К ним присоединился рыжий воин и начал махать белым флагом перемирия.

– Моя королева? – сказал Гормли, кивнув на телохранителей с луками. – Начинить их стрелами?

Она сморщила губы, постукивая ногтями по подзорной трубе. Такое искушение. Но с какой стати эта злобная женщина решила встретиться с ней на море и почему именно сейчас?

– Пока рано. Сначала я хочу услышать, что они скажут.

– А колдунья? – спросил он, потоптавшись и схватившись за амулет под рубашкой. – Я не горю желанием встретиться с черной магией.

Верена нахмурилась и погладила щеку Ирусен.

– С ее магией мы прекрасно справимся, правда, моя сладкая принцесса?

Слинкс открыл один глаз и дернул ухом в сторону «Хитрого грифона», а потом снова задремал.

Стоящий на носу Тиарнах прыгнул на выбеленную непогодой гальюнную фигуру в виде грифона, не обращая внимания, что корабль под ним качается. На мгновение он залюбовался инкрустированным бронзовым клювом, глазами и когтями, а потом всмотрелся сквозь морскую пену на приближающийся корабль.

– Здоровенный корабль, да? – прокричал он сквозь шум волн и ветра. – Никогда такого не видал.

– Твое племя – дикари-горцы, – ответил Лоример. – Сомневаюсь, что ты когда-нибудь был на борту судна крупнее долбленки.

На всякий случай его привязали к мачте, и он рычал на мертвых моряков, шныряющих мимо.

– Да похрен, что ты думаешь! – гаркнул Тиарнах. – Ты считаешь себя таким старым и умудренным опытом. Да по сравнению со мной ты просто жалкий юнец. Я рубил головы твоим предкам задолго до того, как твой папаша впрыснул свое семя.

– Умоляю, хватит уже мериться своим мужским достоинством, – сказала Мейвен холодным, как смерть, тоном. – Управление трупами и так достаточно утомительно, а тут еще вы отвлекаете своим трепом.

Она попыталась не обращать внимания на их препирательства, сосредоточившись на магии. Впереди надвигалось что-то зловещее – небытие, куда не было хода ее власти. Она никогда прежде с таким не сталкивалась.

Мейвен кусала нижнюю губу, погрузившись в размышления, а «Хитрый грифон» с каждой секундой приближался к кораблю Верены. Мейвен не представляла, какой прием ее ждет, учитывая, что, когда они виделись в последний раз, она пыталась наслать гниль на руку Верены. Неудачно, но теперь от этого никуда не деться, как бы ни хотелось.

– Приведите Краггана, – приказала она. – Пора.

Тиарнах спустился под палубу и вернулся, волоча за собой рыдающего и сломленного капитана корабля. У него не было ни единого синяка, но он отчаянно цеплялся за руку воина и сторонился взгляда некромантки.

Тиарнах поднял бровь и задумался, не расспросить ли Мейвен о подробностях их беседы. Но мудро решил держать рот на замке. Одно дело – зверство в пылу битвы, когда бурлит кровь, но то была холодная и расчетливая пытка, и он не хотел иметь с этим ничего общего. Тиарнах оторвал дрожащего Краггана от своей руки и бросил его у ног Мейвен.

Та помогла Краггану встать.

– Принимай командование, капитан. Нам нужно твое умелое руководство, чтобы встретиться с королевой. Трупы не обладают ловкостью и рассудительностью, как при жизни. После того как я встречу с королевой, можешь делать все, что пожелаешь. Займи свое место и отдавай приказы, капитан.

Похоже, она его приободрила. Крагган схватился за штурвал так, что побелели костяшки пальцев, и лихорадочно всмотрелся в «Шквал злобы». Капитан корсаров, казалось, снова обрел былую удачу, он выплевывал приказы и материл моряков, как будто отказываясь верить, что его команда – всего лишь поднятые магией мертвецы. Мейвен передавала его приказы своим марионеткам-трупам, чьи просоленные тела помнили нужные движения. И когда те не справлялись из-за отсутствия рук или разлагающегося мозга, обрубки и неуклюжие пальцы впустую теребили узлы, в дело вступал Тиарнах.

Они постепенно сближались с кораблем Верены, его черная громада становилась все больше. Палуба напротив была заполнена встревоженными пиратами, ошестившимися луками и сталью, – те в ужасе смотрели на команду из живых мертвецов. Испуганные лица стоящих впереди были знакомы.

Во рту Лоримера отросли длинные клыки. При виде тех, кто сбросил его за борт, он зарычал и встал во весь свой гигантский рост – чудовище из злобы, шипов и когтей. Он разорвал путы, привязывающие его к мачте.

Мейвен предупредительно положила руку вампиру на плечо, чтобы его успокоить. Она по-прежнему не снимала капюшон и не поднимала лица, чтобы скрыть его от королевы пиратов, пока они не приблизятся и не смогут поговорить. Какой бы могущественной ни была Мейвен, град стрел все же мог ее убить.

Крагган приказал команде убрать паруса, и корабли сблизились настолько, что «Шквал злобы» мог бросить абордажные крюки и состыковать борта.

– Это твой дурацкий план, Мейвен, – сказал Лоример. – Теперь уж постарайся, чтобы нас не убили.

Верена стояла выше, на шканцах, но бывшие моряки «Хитрого грифона» съжились, услышав ее голос, вся шеренга дрогнула, колеблясь между жизнью и смертью, рабы своей королевы.

– Эй, на «Хитром грифоне»! – прокричала она. – Кто там командует? Какой идиот посмел захватить мой корабль и убить команду?

– Это я, – отозвалась Мейвен, откидывая капюшон. – Давненько не виделись, Верена.

Лицо королевы пиратов не изменилось. Она посмотрела на лучников.

– Если не хочешь поприветствовать меня, может, поздороваться с Лоримером? – поспешно продолжила Мейвен. – Нет? А с Тиарнахом? Вы ведь всегда ладили.

Верена помедлила и наполовину подняла руку, чтобы приказать лучникам стрелять. Затем посмотрела на громадного вампира и седеющего воина. Одно дело – убить Мейвен, это вполне выполнимо, но разъярить Лоримера в таком ограниченном пространстве? Скорее всего, он разорвет всех людей на борту в клочья.

– Тиарнах, говоришь? – сказала Верена, с подозрением прищурившись на седого и обрюзгшего человека, который когда-то был сильным и вечно молодым. Кое-какое сходство и впрямь имелось. Она облизала губы. – Что ж, некромантка, объясни, зачем ты это устроила, или умрешь.

Глава 7

На борту «Хитрого грифона» Мейвен отвесила глубокий поклон, подобающий встрече с королевой.

– Ваше величество, – заорала она, перекрикивая скрип дерева и плеск волн, – мы несли тебе срочные вести, но, к несчастью, твои люди предложили лишь насилие и резню вместо безопасного прохода.

Верена не желала ничего слушать.

– Иди ты в Хеллрат! Ты – гнусная тварь, смерть и несчастья цепляются к тебе, как дерьмо к овце.

Мейвен выпрямилась, чтобы встретиться с Вереной взглядом.

– У нас не было времени возиться с кретинами, когда твоя жизнь и жизнь твоих детей висит на волоске.

Благодаря допросу Краггана она знала, что только угроза семье Верены могла безопасно привлечь ее внимание. На какое-то время. Когда пытаешься сгноить чью-то руку, люди не склонны с легкостью это забывать или прощать.

Королева пиратов скрежетнула зубами и взмахнула шипастым хлыстом.

– Давай-ка обсудим ваши действия более подробно.

Она повернулась к своим матросам, с тревогой разглядывавшим корабль с командой мертвецов.

Верена изучающе осмотрела Лоримера и Тиарнаха, стоящих на палубе «Хитрого грифона».

– Если эти двое хоть шевельнутся, перережьте все линии и уберите их к чертовой матери от моего корабля. Если понадобится, утыкайте их стрелами, – сказала она своей команде.

– Милашка, – заметил Тиарнах, пока Крагган рванул к брошенному канату.

– Точно. Как и вся ее пиратская порода, – сказал Лоример, наблюдая, как Мейвен неуклюже карабкается по раскачивающейся веревке.

Команда расступилась пошире, заставляя ее лезть вверх без посторонней помощи.

– Да нет же, это был не сарказм, – ответил Тиарнах. – Эта штучка сделана из стали. У меня на таких встает.

Лоример застонал.

– Тебя тянет к высохшим старухам с кнутами?

Его голод нарастал, он почти чувствовал, как разрывает руками плоть всей команды, и ощущал на губах вкус крови.

– Не суди, пока не попробуешь, – возразил Тиарнах. – Но эта вряд ли такая, старая ты мерзкая пиявка. Когда я был богом, старухи часто говорили самые разумные слова.

Лоример пожал плечами.

– Сколько времени мы дадим Мейвен?

Тиарнах прищурился на солнце, затем изучил тени на палубе и почесал бороду.

– Думаю, пока тень мачты не дойдет до штурвала. Что собираешься делать, если она не вернется?

Лоример по-акульи ухмыльнулся.

– Поем.

Верена с удовольствием наблюдала, как Мейвен, задыхаясь от напряжения и соскальзывая, лезет по веревке. Будь у нее такое желание, она приказала бы спустить настоящий веревочный трап и облегчить задачу. Но сорок лет назад это мерзкое создание пыталось убить ее, а теперь убило ее людей и захватило корабль. Ни одна королева Авилданских островов не могла

допустить, чтобы это сошло кому-то с рук. Все пираты склоняли головы перед своей королевой или лишались их. Иначе королева неизбежно теряла свою собственную.

Пока задыхающаяся некромантка влезала на палубу, команда пиратов сжимала амулеты и на десятке языков бормотала заговоры, отгоняющие зло. Моряки были родом с разных дальних берегов, и Верена надеялась, что хоть какие-то из их заклинаний стоят потраченного на них дыхания.

Она спустилась со шканцев, чтобы посмотреть на свою старую союзницу и нового врага, которая как будто совсем не постарела. Ирусен шевелилась на шее Верены, маленькое тельце слинка вибрировало от волнения. Да, на этот раз все будет иначе, решила Верена. Она выслушает Мейвен и, если ее семье действительно угрожает опасность, заставит некромантку все рассказать. А потом Мейвен умрет. Тиарнаха она попытается спасти, если безумный дикарь согласится вести себя прилично и выпить с ней. Этот сухопутный пират всегда был заводилой на вечеринках.

– Иди за мной, – сказала Верена, повернулась и пошла в свою каюту. Она села во главе стола и стала ждать, пока Мейвен в сопровождении здоровяка Гормли последует за ней. Гормли запер дверь и занял место позади колдуньи, держа в кулаке нож.

Верена начала барабанить пальцами по столу.

– Начинай.

Мейвен откашлялась.

– Для начала мне следует из...

– На извинения и оправдания нет времени.

Ее грубость, похоже, не смутила Мейвен. Она подалась вперед.

– Империя света построила флот.

Стук пальцев прекратился.

– В самом деле?

Мейвен нахмурилась, пытаясь найти на лице Верены хоть какой-то намек на то, о чем она думает, но безуспешно.

– Мне казалось, это тебя сильнее встревожит. Разве они не поклялись стереть вас всех с лица моря? Вторгнуться на Авилданские острова и предать огню все пиратские пристанища?

– Так мне говорили, – ответила Верена. – Веками королевы Авилданских островов слушали те же хвастливые речи от всех королевств и городов Эссорана. И всем задача оказалась не под силу. Даже Бридан Сере, которого считают величайшим полководцем в истории, не смог покорить нас. И потому нам нечего бояться.

Она оставила за скобками, что Бридан Сере побеждал. Благодаря численному преимуществу, магии и тактическому гению флот Бридана вынудил мать Верены выпустить величайший секрет рода Авилдан – древнего монстра, дремавшего в глубокой подводной тьме. Вместе с матерью Верена вышла на единственном маленьком кораблике против флота пяти городов-государств. Там ее мать, великая королева Авилданских островов, отдала жизнь в жертву чудовищу, чтобы спасти свой народ. Когда Верена вернулась домой, в живых не осталось ни одного врага. С тех пор ее мучили кошмары. Жуткие твари, таящиеся в глубинах, с огромными глазами, глядящими прямо в душу и жаждавшие ее...

Верена подавила дрожь и вернулась к нынешней угрозе.

– Вряд ли новость о растущей мощи Империи света может удивить тех, у кого есть глаза и уши. – Она откинулась на спинку стула. – Однако я не получала известий о строительстве военных кораблей где-либо на побережье, а мне непременно сообщили бы о них, уж можешь поверить. Я очень внимательно отношусь к потенциальным угрозам. Так что скажешь теперь, некромантка?

Мейвен ухмыльнулась.

– А я и не говорила, что их строят на побережье.

Она сунула руку под плащ, и нож Гормли тут же оказался у ее горла. Моряк откинул полу плаща и обнаружил на ремне Мейвен маленький футляр. Открыв крышку, он увидел, что тот набит свитками. Верена взмахом руки велела ему отойти. Потирая горло одной рукой, второй Мейвен вынула бумаги и толкнула по столу к Верене.

Увидев почерк Черной Герран, королева пиратов наконец вздрогнула и побледнела. Мейвен холодно улыбнулась.

– Предупреждение исходит не от меня. Она вернулась.

Подавшись вперед, Верена изучила бумаги.

– Это страницы из учетных книг со сведениями о доставке в форт Сарот на берегу Калдара сухой древесины, гвоздей и стали, а также приказы о поисках мастеров, – сказала Мейвен.

Верена встала, вынула из прикрепленного к стене комода лупу для чтения в серебряной оправе и заглянула в бумаги.

– Для Калдара у военных кораблей слишком большая осадка, – сказала она. Заметив недоуменный взгляд Мейвен, королева пояснила: – Река слишком мелкая.

Мейвен пожала плечами.

– Преклоняюсь перед твоими познаниями, но, похоже, Черная Герран весьма в этом уверена, а тебе известно, что у нее были – да и сейчас есть – демонические шпионы повсюду. Эти документы наглядно демонстрируют, что по всей империи годами собирали материалы, мастеров-корабелов, кузнецов и плотников. Для чего еще это может быть?

Верена изучала документы. Они и правда свидетельствовали, что Империя света строила огромный флот. Возможно, они предварительно углубили реку. Конечно, бумаги могли быть подделкой, но только если Мейвен вдруг овладела наукой кораблестроения...

– И что именно тебе нужно от меня?

– Не мне. Все это – идея Черной Герран. Армия Империи света выдвинется на юг, как только лето высушит дороги, и Черная Герран планирует сокрушить ее у Тарнбрука.

Верена фыркнула.

– В Тарнбруке нет ни войска, достойного называться армией, ни высоких и толстых стен, чтобы выдержать осаду. – Она наклонилась вперед. – И, черт возьми, зачем мне помогать тому, кто захватил один из моих кораблей и пытался убить меня? Прирежу тебя, а своему бывшему генералу скажу, чтоб ублажила себя раскаленной кочергой.

Мейвен поморщилась, и Верене впервые показалось, что некромантке не по себе.

– Демоницы Черной Герран могут проникнуть повсюду и добраться до кого угодно.

Верена напряглась.

– Не люблю угроз.

Мейвен просто сидела и молчала.

– Где эта демоническая старая тварь? – воскликнула Верена. – Где она была все эти годы?

Мейвен одарила ее многозначительным взглядом.

– В Тарнбруке? – расхохоталась Верена. – Вонючий зад морской свиньи! Она провела лучшие годы в этом захолустье и ожидает, что я склонюсь перед ней?

– Не только ты, – хмуро ответила Мейвен. – Я собираю всех ее выживших военачальников. Лоримера Фелле, Тиарнаха, тебя, потом Амогг Хадакк. И последним я должна разыскать Джерака Хайдена.

Услышав имя Джерака Хайдена, Гормли покраснел и зашипел от ярости, подняв дрожащей рукой нож. Верена погрозила ему пальцем, укоряя его взглядом и обещая мир, полный боли, если он посмеет переступить черту. Пусть он был ее первым помощником, но незаменимых людей нет. Со скрипом отодвинув стул, королева пиратов поднялась и стала мерить шагами комнату.

– Безумие, полное безумие. Амогг всегда была дикой, но полезной и по-своему благородной. Но Джерак – настоящее чудовище. Я не буду иметь с ним никаких дел.

Она посмотрела на Гормли и его поднятый нож и сжала губы.

Мейвен покачала головой.

– Я бы не советовала нападать на меня, о справедливая королева. Как тебе известно, я далеко не дилетант в магических искусствах.

– Неужели? – сказала Верена.

– Моя сила могущественней и темнее, чем когда-либо, – ответила Мейвен. – Не заставляй меня защищаться.

– Не томи же, продемонстрируй мне свое искусство.

Мейвен указала пальцем на грудь королевы. Ничего не произошло. Некромантка удивленно уставилась в янтарные глаза Ирусен, злобно глядящие с шеи королевы.

Маленький слинкс зашипел и обнажил похожие на иглы зубы, и Верена ухмыльнулась.

– Твоя сила ничтожна. Колдовство больше не может меня коснуться. Нужно выпотрошить тебя и скормить акулам.

Мейвен посмотрела на деревянную палубу.

– Можешь ли ты сказать то же самое о своем корабле? Ведь он тоже когда-то был живым. Все живое превращается в прах, рано или поздно. Не хочешь ли ты проверить, какая сила победит, если не будет направлена против тебя лично? В любом случае, если убьете меня, ваша смерть не заставит себя ждать.

Королева пиратов покосилась на палубу, поджав губы.

– Ты имеешь в виду лорда-вампира? Стрела в череп, и он будет барахтаться в море, не в силах добраться до нас.

Мейвен снова улыбнулась.

– Пусть твой лучший стрелок попробует, если тебе не жалко потерять людей.

Верена села на место.

– Ты права. Мне нужно перерезать канаты между нашими кораблями и отправить «Хитрого грифона» в дрейф. А потом поджечь его горящими стрелами.

Мейвен зашипела.

– И ты бросишь один из своих кораблей?

– Гордость сгубила многих великих и могущественных. Черная Герран бездушна, а ты эгоистична и коварна как прежде. Может, она снова вонзила свои когти в твое иссохшее сердце, но я отказываюсь делать то, что она хочет. Она больше не мой свирепый генерал, вознамерившийся изменить мир.

Мейвен поморщилась.

– Перед лицом общего врага убивать друг друга – безумие.

– Умоляю, объясни, на кой мне сдались ты или твои союзники? Насколько я вижу, это я нужна Черной Герран.

– Империя света расширяется. Каждый год перед ней склоняются новые города и племена, вливаются в ее армию и начинают поклоняться Светлейшей. Если мы не объединимся, чтобы остановить их сейчас, будет слишком поздно. Возможно, пока за морем на своих кораблях вы в безопасности, но это продлится лишь несколько лет.

Верене не хотелось это признавать, но в словах некрмантки был некоторый смысл. В последние годы она получала сообщения о подготовке армий истинно верующих, но о флоте услышала впервые. Она снова задумчиво побарабанила по столу пальцами.

– И что Черная Герран хочет от меня?

– Тарнбрук расположен в долине Мхорран, на единственном безопасном пути через горную цепь хребта Мхорран. Это делает его естественным узким местом, где ублюдки не сумеют воспользоваться численным преимуществом. Мы можем задержать их там, но если они переправят достаточно людей нам в тыл, то расколют нас как орех. Герран хочет, чтобы ты не дала этому случиться.

Верена поджала губы.

– Грузовые корабли, полные солдат, будут медленными и неуклюжими. Легкая добыча для баллист и катапульт, если не пытаться брать их на abordаж. Ты просишь меня уложить сотни людей в морскую могилу.

Мейвен выгнула бровь.

– Это проблема? К старости ты стала щепетильной?

Верена досадливо цыкнула.

– Большинство из них, скорее всего, невинные новобранцы, ничем не отличающиеся от тех, кого я зову своими подданными. В отличие от тебя, я не люблю побоища.

– Но ты это сделаешь? Через несколько лет Империя света будет контролировать западное побережье от Вандауры на севере до Белого порта на юге. Где тогда твои корабли найдут причал на материке? И не забывай про флот, который они строят...

Верена скрежетала зубами, размышляя. Все возможные варианты будущего застилали грозовые тучи. Выживание Авилданских островов зависело от многочисленных городов, племен и народов Эссорана, враждующих и спорящих друг с другом. Никто из них не имел большого флота, и их больше заботили собственные мелкие стычки, чем пираты, которые не слишком им досаждали. Верена старалась широко распределять свои набеги, чтобы ни один правитель не считал пиратов более серьезной проблемой, чем соседей.

Империя света была новой, растущей угрозой, которая стремилась поглотить весь континент. Шпионы Авилданской короны всегда следили за потенциальными завоевателями и растущим могуществом государств, чтобы оборвать бутон, пока он не расцвел. Однако на этот раз шпионы молчали, убийства и поджоги провалились, а Империи света просто не было дела до экономических последствий потери торговых кораблей. Ее армии росли с каждым завоеванием, а инквизиторы на поле боя не имели себе равных... или имели? В былые времена никто не мог сравниться с Черной Герран и ее военачальниками...

– Я могу с легкостью потопить их корабли, – сказала королева. – Но если вы не справитесь, это лишь привлечет внимание к Авилданским островам после того, как империя захватит Тарнбрук.

– Разберись с ними на море, а мы разберемся на суше, – возразила Мейвен.

Верена прищурилась.

– А ты что с этого поимеешь?

– Не твое дело. Черная Герран спасает свой городок и детишек, ты защищаешь свои острова. Это все, что тебе нужно знать.

– Детишки? – изумилась Верена. – У нее? Несчастные ублюдки.

Королева мерила шагами скрипучую палубу, напряженно размышляя.

Рука Гормли, стоявшего позади Мейвен, подрагивала на рукояти ножа от желания перерезать некромантке горло.

– Это чудовища и колдуны с черным сердцем, моя королева, – сказал он. – Им нельзя доверять. Я всегда так говорил. Нехорошо им быть на борту.

Верена кивнула, продолжая шагать. Наконец она жестом велела Гормли отступить.

– Пока я оставляю тебя в живых, Мейвен. После того как все закончится, мы поговорим. Если...

Крики и ругань снаружи заставили ее распахнуть дверь.

Один моряк из ее команды, высокий бледнокожий северянин с заплетенной в косу бородой, перегнулся через борт корабля с большим боевым луком в руках. Хельг, так его звали, заносчивый варвар, сбежавший из своей деревни три года назад. Теперь Империя света предположительно превратила его дом в трудовой лагерь. Народ Авилдана славился тем, что принимал всех чужеземцев, которых прибывало к их берегам, всех, кто хотел обрести дом и ремесло,

но из-за этого время от времени приходилось иметь дело с отбросами. И этот дурак только что выпустил стрелу в сторону «Хитрого грифона», попав Лоримеру Фелле в глаз.

Хельг крикнул и одним быстрым движением выпустил еще одну стрелу.

– Легче легкого. Теперь возьмемся за старого рыжего хрена.

Очертания Лоримера потеряли четкость, он презрительно смахнул вторую стрелу. Тиарнах прислонился к мачте «Хитрого грифона» и злобно захихикал, понимая, что сейчас будет.

– Охохонюшки, Хельг, – покачала головой королева пиратов. – Все равно ты был слишком тупой, чтобы прожить долго.

Лоример схватил торчавшую в черепе стрелу и протолкнул ее дальше, насквозь, обломил наконечник, а затем вырвал древко. Его глаз вернулся на место, вампир зарычал и перепрыгнул на борт «Шквала злобы». Когтистые пальцы впились в дерево, и двумя рывками он добрался до северянина.

В одну секунду голова Хельга покатила по палубе, забрызгивая кровью потрясенную команду. Лоример превратился в чудовище из исковерканной плоти и острых костей, которое опустилось на палубу, разинув клыкастую пасть.

– Стой, Лоример! – крикнула Верена. – Посмотри, Мейвен невредима. Этот идиот заслужил смерть за то, что напал на тебя без приказа.

Мейвен встала между вампиром и командой, пока он не погубил всех.

– Надеюсь, теперь вы убедились в нашем могуществе? – сказала она. – Он лишь один из наших союзников, и не самый страшный. Ваше величество Верена Авилданская, соблаговолите ли вы соединить ваши силы с нашими?

Королева оценила почтение, выказанное в присутствии ее команды. Мейвен всегда была хитрой. С лордом-вампиrom на борту какой у Верены оставался выбор?

Ирусен отразила темную магию некромантки, но в таком ограниченном пространстве вампир с легкостью прикончит их всех.

– Решено. Мы соединим силы против Империи света. Пусть море поглотит их черные сердца.

Лоример подхватил тело Хельга одной когтистой рукой, оторвал ногу и откусил здоровый кусок бедра, застонав от удовольствия, будто это был превосходный бифштекс.

Моряки попятились, давясь рвотой, и Верена не могла их в этом винить. Она посмотрела на Мейвен.

– Ты права. Он далеко не самый страшный. Пойдем в мою каюту. Гормли, за мной.

Услышав имя Гормли, некромантка прищурилась, но промолчала. Подождав, когда закроется дверь, она заговорила, тщательно подбирая слова:

– Лоример – чудовище, это правда, но он из старой знати и обладает своего рода этикой и моралью. Тиарнах и Амогг перебили больше людей, чем живет на твоих островах, они весьма пригодятся в предстоящей битве. А вот кто беспокоит даже меня, так это наш искусный алхимик, которого нужно вызволить из рабства в Муравейнике... – Она замолчала и вздрогнула. – Нам предстоит встреча с опытной армией, Верена. Он нам нужен.

– Джерак Хайден. – Имя обожгло язык Верены, словно яд. – Меня непросто испугать, но я не стыжусь признаться, что боюсь этого безумного алхимика. Как-то раз я захватила маленький торговый порт, где он некоторое время изготавливал оружие для Черной Герран. Увиденное там до сих пор снится мне в кошмарах. Выпотрошенные дети, чьи органы хранились в банках. Некоторые, еще живые, были прикреплены к механическим устройствам из трубок и пузырей с жидкостью. Освежаванные мужчины с пересаженной кожей животных. Женщины, страшно изуродованные химическими ожогами и выкашливающие собственные зубы...

Верена остановилась.

– И все же он нам пригодится... так что, если необходимо, я помогу освободить его.

Гормли зарычал и шагнул вперед, нависнув над Вереной.

– Он – чудовище, моя королева! Ты не можешь выпустить его. Я...

Королева пиратов с размаху влепила ему пощечину, и Гормли попятился.

– Придержи язык, или я его укорочу. Я считаю это необходимым и не желаю больше ничего слышать.

Она тяжело опустилась на стул, поглаживая взволнованную Ирусен.

– Если бы в Муравейнике знали, кого держат в тюрьме, давно бы прикончили его. Этого монстра невозможно контролировать, и все, кто пытается использовать его алхимию для собственной выгоды, просто расстаются с жизнью. Что касается самого Муравейника, это чуждое нам место в горах опасно для любого человека. Возможно, лучше оставить алхимика там, отрезанным от любых контактов с людьми.

– Нет, – сказала Мейвен. – Ты права в том, что его невозможно контролировать, но он нам необходим. Его можно направить на врага. И у меня есть связи даже в Муравейнике.

– Да хранят нас морские боги. Наш союз остается в силе, пока ты держишь этого ненормального на суше. Чего еще хочешь от меня Черная Герран?

– Нужно плыть к Оркскому нагорью, – ответила Мейвен. – Я перекинусь парой слов с Амогг Хадакк. Когда заполучим ее, отправимся прямо в Муравейник.

– Гормли, отправь почтовых голубей предупредить капитанов. Мы отплываем на войну. – Гормли открыл рот, чтобы возразить, но взгляд Верены его остановил. – Делай, что сказано, или я шкуру с тебя спущу.

Гормли нахмурился и хотел сплюнуть на палубу.

Верена пригвоздила его взглядом.

Он сглотнул, вытер внезапно выступивший на лбу пот и выскользнул за дверь, чтобы отправить сообщения королевы.

Однако, скрывшись с глаз Верены, ее дрожащий и потеющий первый помощник поборол гнев и страх и отправил на север еще одного голубя, на этот раз от своего имени. Эта птица была выращена другими людьми и вручена ему как раз для такого случая. Гормли предпочитал людей чудовищам и магии, и голубь полетел в Светлую гавань, столицу Империи света.

Глава 8

В Тарнбруке Далия помыла и высушила недавно подстриженные волосы и начала возвращаться к прежнему ужасающему облику. Когда она обрела былую силу и гордость, место, служившее ей домом на протяжении сорока лет, стало казаться тесным и обветшалым.

Ее дочь Хелина мрачно взирала на это, надув губы и скрестив руки на груди.

– Я знала, что твое проклятое прошлое однажды вернется и будет нас преследовать, но оно не должно навредить Тристану и Эдмонду.

Она выглянула за дверь, чтобы узнать, как там ее сыновья – те спорили, кто первый заметил на улице монетку.

– Эй! – рявкнула Хелина. – Ведите себя прилично, сорванцы. – Они ворчали и пихали друг друга, но притихли, и мать вернулась к разговору. – Что мне сказать моим мальчикам? – спросила она.

Далия нахмурилась, но Хелина не ошиблась. Ее дочь была честолюбива и сурова, но не могла взять в толк, зачем мать обратилась к самым темным силам Хеллрата ради выживания. Но ведь Далия сама старалась оградить дочь от всего плохого, чтобы та росла в безопасности и радости. Даже если для этого пришлось скормить некоторое количество нежеланных ухажеров демонам.

– Скажи мальчикам, что их мать сделает все ради защиты детей, – отозвалась она. – Скажи, чтобы были осторожны и далеко не убежали. Ты готова к отъезду?

Хелина покачала головой.

– Здесь наш дом. Разве можно найти более безопасное место? Север для нас потерян, на юге разгул бандитизма и работорговля, а на Авилданских островах не привечают чужаков.

Далия открыла пыльную шкатулку с бархатной подкладкой и один за другим надела перстни: черный оникс, вырванный из глаза элементаря земли; выплавленный из крови князя Хеллратского рубин; кольцо из драконьей кости с алмазом из копей Альт-Клуа; железное кольцо, выкованное из упавшей звезды. После секундного колебания она добавила простое золотое кольцо, которое много лет назад подарил ей отец Хелины – в предстоящей войне и оно может стать оружием. Далия так и не дала Амаддену ответа...

Она потянулась к чаше с куриной кровью и окунула пальцы в застывающую жидкость. Провела рукой по голове и ощутила, как магия распушила ее седые волосы и окрасила кончики в красный цвет. Теперь Далия выглядела грозной и воинственной, все эти старые привычки помогали ей вспомнить, кем она когда-то была. Далия задумалась, получится ли из этого что-нибудь, ведь сейчас она постарела и опиралась на палку.

Она сделала глубокий вдох, закрыла глаза и разбила оковы на дверях в сердце и рассудке, которые были заперты многие десятилетия. Внутри ее всколыхнулись темные силы, восхитительные и мощные настолько, что сумели проделать дыру в реальности и создать мост к пылающей бездне Хеллрата. Было так приятно их выпустить. Из всех пор ее тела, будто смесь крови и дегтя, сочилась Черная Герран, пока городская старейшина Тарнбрука Далия не растворилась и не заснула. Вокруг нее сгустились тени.

Она резко открыла глаза, и Хелина сделала шаг назад.

– Мама?

– Я больше тебе не мать, девочка. До тех пор, пока все не закончится. Я – сила и гордость. Я Черная Герран, и этот город склонится перед моей волей. побыстрее собери все необходимое, ты с детьми скоро уедешь. Я подготовила безопасное укрытие.

Хелина внимательно посмотрела на мать.

– Если так лучше для мальчиков, так тому и быть. Что бы ни случилось, хорошо, когда всем командует опытный человек. Сделай все как надо, иначе нас ждут проблемы. Если бы я обладала хоть долей твоего могущества, я бы сама вправила мозги этим людишкам.

Дочь унаследовала твердый характер Черной Герран, и это было предметом для гордости. Черная Герран кивнула Хелине и пошла к храму, где собрались на совет трое других городских старейшин и знатные горожане. Предстоял очередной вечер бесплодных споров о текущих проблемах, когда они будут болтать попусту, а не заниматься делом. Но больше она не станет терять время.

Жители Тарнбрука, мимо которых она проходила, косились на нее со страхом и смущением. Даже те, кто до сегодняшнего дня полагал, что хорошо ее знает, не смели остановиться и заговорить. Они опускали головы, крепко прижимали детей и переходили на другую сторону улицы.

Черная Герран нахмурилась, заметив нарисованное солнце на оконном ставне хвастуна Вимарка, символ Светлейшей. Эта мерзкая вера распространяется даже здесь. Ну ничего, скоро она этим займется.

Из-за двери храма послышались громкие недовольные голоса.

– Нужно бежать, – заявил один спорщик.

– Куда, кретин? Нищих вроде нас ожидает лишь рабство. Я не стану сражаться в армии рабов Гелота или до конца дней быть прикованным к веслам на барже Даманиона.

– Сражаться!

– Бежать!

Пытаться убедить их подчиниться ей по доброй воле – только время терять. Она должна действовать как всегда: с помощью силы и страха. Черная Герран посмотрела на узкий проход между храмом и складом по соседству – сумрачное местечко, где она может незаметно творить свое темное искусство... Но потом она решила, что не стоит прятать свое истинное лицо. Жители Тарнбрука должны сражаться, иначе весь юг падет перед Империей света. Нужно затопить долину кровью имперских солдат.

Она провела пальцем по острому краю рубинового перстня и взмахнула рукой, окропляя кровью порог храма. Кровь тут же впиталась в жадные трещины в земле.

– Путь открыт, – начала она. – Вперед, мои сумеречные сестры!

Ее призыв проник в пылающее царство Хеллрата и еще глубже, в темные пещеры Сумеречных земель.

Вокруг нее сгустились сумерки, пожирая свет, пока все не потемнело, как поздно вечером. С каждым шагом за ней струились ключья теней. Идеально для эффектного появления, чтобы напугать невежественных горожан. Черная Герран сделала суровое лицо и пинком распахнула дверь.

Члены совета толпились перед столом, за которым сидели старейшины. При ее грубом вторжении все повернули головы и разинули рты.

– Заткнитесь и послушайте меня, – сказала она, холодно и спокойно.

Демоницы выскользнули из ее тени и растеклись по храму, зависнув по углам как раздувшиеся черные пауки, забрались на стены и потолок и взирали вниз жадными, полными ненависти глазами. Благородные лица статуй двенадцати Старых богов неодобрительно смотрели на Черную Герран сверху вниз, изображения Небесного отца, Кузнечной девы и Повелителя охоты осуждали ее за осквернение храма.

– Далия? – произнес старейшина Кокс, сидящий за столом на приподнятой площадке в глубине храма, и удивленно уставился на хлынувшую внутрь тьму. – Что это? Что ты сделала?

Черная Герран ударила его силой мысли, а демоница-тень выступила в качестве кулака. С рассеченной и кровоточащей губой он распростерся на каменном полу. Остальные перепугались и сгрудились в центре зала, подальше от ее жутких созданий.

– Вы знаете меня как Далию, но когда-то я была известна под другим именем, которое все вы слышали, – Черная Герран.

На всех лицах отразилось недоумение... пока взгляды не скользнули обратно к демоникам. И тогда люди задрожали от страха.

– Теперь этим городом управляю я, и вы все подчинитесь мне, если хотите пережить этот месяц. Я – ваша единственная надежда.

Не потребовалось много усилий ни чтобы запугать городской совет и старейшин, ни чтобы удержать в городе желающих бежать на юг, об этом позаботились ее демоны, патрулирующие все дороги, устрашая, но не убивая. Нельзя сказать, что горожане в полной мере оценили ее сдержанность – она убила только бесполезного кретина Вимарка, демоны сожрали его на рыночной площади в качестве кровавого и поучительного примера для остальных.

Хелина с сыновьями уже находилась в безопасном месте, подальше от надвигающегося хаоса. Они были защищены лучше, чем кто-либо другой, не считая разве что Грейс, сестры Мейвен. Если все пойдет по плану, через несколько месяцев семья Далии... нет, Черной Герран, будет цела и невредима и будет жить тихо и счастливо.

* * *

Пока Мейвен выполняла приказы Черной Герран где-то в другом месте, та развила в Тарнбруке лихорадочную деятельность, велела жителям собирать камни и возводить деревянный частокол. Она осматривала растущее вокруг города кольцо укреплений, выкрикивала приказы, и большинство горожан съеживались и отводили взгляды. Они никогда уже не будут смотреть на нее как прежде, но это приемлемо, пока делают то, что велено. Не стоит жалеть о том, что необходимо.

За ее спиной кто-то откашлялся. Она обернулась и увидела темнокожего незнакомца с седой бородой, в его руках было копьё, а на боку висел меч. За ним стояла телега, запряженная выносливой горной лошадейкой, содержимое закрыто тканью. Рядом с незнакомцем ухмылялся член недавно сформированного городского ополчения, черепичник Николас, с напояженными усами и короткой острой бородкой. Собственное копьё безмозглого кретина валялось на земле. Он взмахнул рукой.

– Приветствую, старейшина Далия, этот парень говорит, что знаком с тобой.

– Вот идиот! – рявкнула она. – Он же может быть кем угодно!

Николас съежился и пошарил на земле в поисках копьё.

– Забудь. Уже слишком поздно. Возвращайся на стену в караул и не впускай в город никого, с кем не знаком лично. Идет война, и лучше тебе это запомнить, иначе однажды тебе перережет горло шпион Империи света. Или сожрут мои демоны. – Во время этой речи она не спускала глаз с незнакомца. Николас бросился бежать к своему наблюдательному посту.

Незнакомец снял щеголеватую шляпу с красным пером и изящно поклонился.

– Меня зовут Эстеван, госпожа. Я камердинер лорда Фелле.

Она прищурилась. Мужчина и впрямь выглядел смутно знакомым.

– Ты человек?

– Да, миледи. Правда, в моих венах течет кровь хозяина, и, пожалуй, я немного сильнее и выносливее обычного человека, но, как видишь, старею в точности так же.

Произнося последнюю, абсолютно правдивую часть предложения, он улыбнулся.

А потом откинул ткань с телеги, продемонстрировав копьё, мечи и кинжалы, слегка погнутые, но пригодные шлемы и нуждающиеся в небольшом ремонте кольчуги.

– Подарок от милорда Фелле. Увы, теперь его возможности не такие, как были прежде.

Она заметила среди груды оружия обрывки белой и золотой ткани с пятнами крови и слегка улыбнулась.

– Весьма своевременный подарок, Эстеван. Какие свои умения ты можешь нам предложить, пока мы ждем возвращения лорда Лоримера?

– Я камердинер благородного лорда, миледи. Занимаюсь всем, что он считает ниже своего достоинства.

Он поднял бровь – дескать, это значит, что он занимается всем. Он был своего рода генералом среди прислуги, именно такой человек и требовался сейчас Черной Герран.

– Превосходно, – сказала она. – Что ты думаешь о наших приготовлениях?

– Рвы слишком мелкие, а крепостные стены – слишком низкие, да и частокола нет. Стена, которую вы строите в самом узком месте долины, чуть лучше, чем просто груда камней, ведь уже нет времени, чтобы скрепить их цементом. Крестьяне и горожане не продержатся против Империи света и часа, но, подозреваю, ты уже это знаешь. Если я немедленно начну обучать их обращаться с оружием, они смогут продержаться за укреплениями, которые мы успеем возвести за оставшиеся недели. – Он снова посмотрел на стену, достигшую больше двухсот шагов в длину. – Если враг возьмет стену, то может использовать ее на укрепления собственного лагеря, то есть против тебя.

– Да, именно на это я и рассчитываю, – ответила она. – Займись обучением. Ополчение должно удерживать стену ровно один день, пока я не дам приказ отступить за крепостную стену самого Тарнбрука. И тогда враги окажутся точно в том месте, где мне надо.

Стена обретала форму, а землю с обеих сторон от нее очистили от камней, чтобы получилась ровная поверхность, идеальная для военного лагеря. Если стена остановит продвижение имперской армии и не даст ей стереть Тарнбрук с лица земли при первом же штурме, у них есть шанс выстоять.

Пока Эстеван учил горожан обращаться с луком, копьем и мечом, Черная Герран получила больше времени, чтобы тщательнее возвести сухую кладку в стене, перегораживающей долину. Черной Герран не хотелось делать стену слишком крепкой и гладкой, совсем наоборот – в ней специально предусмотрели слабые места. Теперь она все чаще мыслила как прежняя Черная Герран, хитрая и беспощадная, и после сорока лет вынужденной мягкости находила это приятным. Конечно, ее порой обвиняли в словесной несдержанности, но, по крайней мере, она никогда не уничтожала людей за то, что они просто не согласны с ней.

Получив в свое распоряжение безумный гений Джерака Хайдена, она сумеет превратить эти укрепления в смертельное оружие. Сделать взрывчатку или ядовитый газ для него раз плюнуть. Единственная проблема – достать нужное количество сырья и обуздать его жажду экспериментировать. Черная Герран готова была смириться с некоторым числом жертв среди населения, если это позволит воспользоваться резней, чтобы вызвать из темных глубин Хеллрата самых жутких чудовищ.

Черной Герран хотелось, чтобы солдаты Империи света мучились от боли и ужаса, прежде чем погибнут, уж она об этом позаботится. Демоны насытятся пьянящей смесью этих эмоций и станут сильнее. А Черную Герран наделят такой силой, какой она обладала во времена расцвета своего могущества.

Глава 9

Лоран Дарин, ландграф Оллстейна, влез на боевого коня, слегка встревожив своей тушей старое, мирное животное. В пояснице стрельнуло, и он поерзал в седле под скрип новой кожи. Он уже был не так молод, как раньше, и не привык проводить верхом больше нескольких часов послеполуденной охоты.

День был ясный, хоть и прохладный, эскорт и слуги ландграфа неспешно собирались во дворе замка. Никто не выглядел счастливым, но от приглашения во дворец принца Сокола в Светлой гавани не отказываются.

Шестнадцать лет назад, когда принц Сокол узурпировал власть в Королевстве света и начал расширять новую империю, захватив Брод Феноха и Вандауру, Оллстейн был пограничным регионом. Теперь империя правила большей частью севера, но земли Дарина оставались все тем же отрезанным от остального мира захолустьем, и это полностью устраивало старого усталого генерала.

Он хмуро покосился на знамя Светлейшей, развевающееся на башне, но снова прикусил язык. В нынешние дни Светлая гавань стала совсем другой, фанатичной и нетерпимой, если верить слухам. Характер священника, присланного обратить его народ и приглядывать за ним самим, убедил ландграфа в том, что слухи не лгут. Он возблагодарил Старых богов за то, что не пошел против принца Сокола вместе с остальной оскорбленной знатью бывшего Королевства света. Мятежников безжалостно сокрушили, а их земли жестоко зачистили.

Услышав донесшийся из башни пронзительный крик, Дарин повернулся в седле. Через несколько минут оттуда появилась кухарка Молли, вытирая фартуком окровавленные руки.

– Мои глубочайшие извинения, милорд. Кажется, брат Орндан, кхм, поскользнулся и упал с лестницы. Боюсь, у него сломаны обе ноги, и он никак не сможет сопровождать вас в путешествии, – подмигнула она.

– Какая трагедия, – ответил Дарин, подавляя улыбку.

Даже здесь он не знал, кто за ним наблюдает, но хотя бы этот соглядатай-священник не скоро сможет рассказывать свои сказки инквизиторам. Какая жалость, что и на местных гонцов нельзя положиться в доставке его донесений о здешних прегрешениях. Спасибо тебе, Молли, и твоему гусиному жиру.

– Вперед! – крикнул он. – В Светлую гавань!

Они отъехали от замка и спустились с холма по главной улице Оллстейна. Из домов и с полей выходили люди, чтобы помахать им. Виноторговец бросил ландграфу мех вина на дорогу. Дарин кивнул в знак благодарности, нацепил фальшивую улыбку и выкрикивал приветствия, проезжая мимо своих подданных. Он надеялся, что ему позволят вернуться, но в глубине души боялся, что его старые кости будут гореть на костре еще до окончания весны.

Дарин остановился у ржавой виселицы на околице деревни, чтобы посмотреть на болтающийся на ветру труп. Брат Орндан неустанно искоренял еретиков.

Ландграф повернулся к крестьянину, бросившему работу ради того, чтобы поглядеть на своего господина.

– Кажется, брат Орндан свалился с лестницы и будет нездоров довольно долгое время. Обрежь веревку и похорони его.

Брови крестьянина поползли вверх.

– Какая жалость. Наверное, доброму брату нужно было молиться поусерднее. Я все сделаю, мой господин.

В это время года путь до Светлой гавани занимал семь дней напряженной скачки, поэтому Дарин неспешно проделал его за десять, все больше тревожась от того, что видел вокруг по мере приближения к столице. В каждой деревне вдоль дороги, словно полевые цветы,

росли виселицы с клетками. Многие приговоренные, сидевшие в них, были еще живы. Их богохульные языки выжгли. Остальные, кто еще не попал в клетки, неистово демонстрировали всем и каждому свою набожность.

В Светлую гавань пришла весна, и никогда еще улицы города не выглядели такими чистыми – ни единой соринки, ни одного вороватого, рябого от оспы нищего. Несмотря на моросивший дождь, Дарин откинул мокрый капюшон плаща, чтобы получше рассмотреть город.

С последнего его визита в столицу прошло много лет, и на первый взгляд Светлая гавань казалась как никогда богатой, процветающей и набожной. На вывесках и дверях всюду гордо красовалось золотое солнце Светлейшей, но опытный глаз замечал натянутые улыбки лавочников и пекарей, прачек и булочников и подозрительные взгляды, которыми они провожали отряд Дарина. Мрачные слухи, доходившие до Оллстейна, не передавали и сотой доли происходящего.

Солнце наконец-то пробилось сквозь пелену серых туч и засияло на водах Элсмира. Замок посреди озера манил к себе, свет отражался от белых и золотых флагов на четырех его высоких башнях. Но ворота и мосты, ведущие к центру озера, охраняли посвященные рыцари, и Дарин вытер со лба пот. Все это не было похоже на старые времена королевы, когда можно было вволю поесть, потанцевать и насладиться хорошей компанией. Это... нечто совсем другое. Дарин принадлежал к немногочисленным старым придворным, сохранившим голову на плечах после переворота, но все могло измениться по щелчку пальцев принца Сокола.

Когда его отряд поскакал по мосту, встречать их из ворот вышел, держа руки за спиной, инквизитор в белых с золотом одеждах.

Подъехав ближе, Дарин узнал темные кустистые брови, бритый череп и суровые черты Великого инквизитора Маллеуса, шепотом выругался и выехал вперед.

– Какая встреча, Великий инквизитор, – сказал Дарин, с трудом спешиваясь из-за больной спины и натертого зада. – Надеюсь, ты здоров?

– Да благословит тебя Светлейшая, ландграф Дарин, – с упреком ответил Маллеус.

По его мнению, каждая встреча должна была начинаться и заканчиваться Ее благословением. Маллеус посмотрел на пузо Дарина и поджал бескровные губы.

Дарин понял завуалированную угрозу, но продолжил улыбаться.

– Воистину, воистину. Да пребудет Ее благословение и с тобой.

Он подумал, что мерзавец, наверное, и погадить без благословения не может.

Маллеус обвел глазами свиту Дарина.

– А где брат Орндан? Я ожидал увидеть его рядом с тобой.

«Чтобы он донес обо всех моих предполагаемых грехах? – подумал ландграф. – Это вряд ли».

– К моему великому сожалению, брат Орндан поскользнулся и сломал ноги. Он сейчас лечится в Оллстейне. Помолимся же, чтобы Светлейшая ускорила его исцеление.

Великий инквизитор прищурился, но ничего не сказал.

– Принц Сокол ждет тебя в Восточной башне. Иди, о твоих людях позаботятся.

Дарин глубоко вздохнул, расстегнул застежку намокшего плаща и отдал его оруженосцу.

– Веди меня, Великий инквизитор. Не стоит заставлять его высочество ждать.

– Да уж, не стоит, – согласился Маллеус и повел его в ворота.

По пути Дарин не мог не обратить внимания на бойницы в потолке. В нос ударил резкий запах крови и горячего масла. Да, все было совсем не так, как при королеве, когда посетителей встречали вином, мясом и песнями. Но потом она ослабла, и все королевство пришло в упадок. Новая «святая» Империя света была молода и жаждала земель и последователей. Богатство стало лишь средством, целью были умы и души.

После того как Черная Герран со своими чудовищами прорубила себе путь через весь континент, явился принц Сокол и предложил людям безопасность и защиту, о которой они молились. Пока королева развлекала знатных фаворитов на пышных балах, он объезжал земли, убивая разбойников и выслеживая чудовищ, искореня предателей и преступников. Он стал героем. Дал людям то, чего они хотели, а потом забрал у них все, и они любили его за это. Его священники сказками о темной магии и чудовищах превратили суеверных крестьян в запуганную, разъяренную толпу, преданную принцу душой и телом. Подданные Королевства света отринули старых богов и старых правителей, которые не могли их защитить, и поверили в новую богиню, Светлейшую, воображая себя истинными патриотами и святым воинством, сражающимся со злом.

А теперь? Инквизиторы получили полную власть над жизнью и смертью в империи, и идти на попятную было слишком поздно. Публично критиковать принца Сокола – означало открыто встать на сторону зла, а значит, обречь себя на гниение в клетке или поджаривание на костре.

За воротами находился двор, заполненный молодыми людьми в подлатниках, кольчугах и шлемах, звоном стали и криками боли, но почему-то без сквернословия. Между рядами расхаживали серебристые фигуры старших инквизиторов, оценивая мастерство. Их присутствие, по всей видимости, и объясняло отсутствие проклятий. Готовилась новая партия вооруженных фанатиков.

Дарин сдержал стон, когда они вошли в восточную башню и начали взбираться в покои принца Сокола по спиральной лестнице в триста тридцать три ступени. В молодости после одной из легендарных пирушек королевы граф совратил там хорошенькую юную горничную. Сейчас его вряд ли ожидало что-то веселое.

Маллеус был облачен в тяжелые доспехи, но даже не вспотел, поднимаясь в весьма бодром темпе. На полпути вверх икры Дарина начали гореть. Когда он добрался до вершины, то был весь в поту, а его ноги дрожали.

Великий инквизитор с насмешливой улыбкой ждал его у двери.

– Невоздержанность в еде и выпивке делает людей слабыми телом и душой.

У запыхавшегося Дарина не осталось сил для ответа, он лишь постарался побыстрее распрямиться и вытереть с лица пот, прежде чем Маллеус распахнул дверь и ввел его в покои принца Сокола.

Правитель Империи света сидел, скрестив ноги, перед розовой мраморной статуей Светлейшей в ее ипостаси воительницы. Красивая женщина в простом домотканом платье приседает, чтобы поднять упавший меч, решительно и вызывающе глядя в лицо неведомому злу. На принце Соколе была струящаяся белоснежная мантия, а распущенные по плечам светлые волосы обрамляли точеное лицо, достойное полубога. По обеим сторонам комнаты стояли два посвященных рыцаря с мечами наготове. Принц встал, жестом приказал стражникам опустить оружие и приветственно распростер руки.

– Ландграф Дарин. Да благословит тебя Светлейшая.

Его глаза... Дарин не мог отвести от них взгляд. Горящие золотистые глаза притягивали, переворачивая что-то в душе. Дарин задохнулся и упал на одно колено, его охватил непривычный трепет, и слова вырвались сами собой:

– Ваше высочество, я живу, чтобы служить.

– В самом деле, Дарин? Ты служишь Светлейшей и Ее святой Империи света? Ты служишь мне?

В горле Дарина пересохло, ноги подкосились, когда его окатило волной власти, исходящей от принца.

– Я... простите, мой господин, но разве я хоть раз давал повод усомниться в своей верности? Я был среди тех немногочисленных лордов, кто не воспротивился вашему... – в голове замелькали слова: перевороту, революции, мятежу, – возвышению.

– Это не ответ, ландграф, – с горящими злобной радостью глазами вмешался Великий инквизитор Маллеус. Он надеялся разоблачить еще одного предателя веры.

Дарин кашлянул.

– Я служу Светлейшей и Ее империи, Ее людям и Ее мечу, принцу Соколу.

Он не смел даже вспоминать настоящее имя честного юноши, которого знал когда-то. Не смел думать о нем как о храбром рыцаре, прославившемся уничтожением остатков армии Черной Герран, включая дикарей из клана Кахалгилроев. То был другой человек, простой смертный. Теперь он стал чем-то большим.

Мраморная статуя Богини обратила свое лицо к Дарину. От этого взгляда его охватило ликование, он вскочил на ноги, не чувствуя больше ни боли, ни усталости. Он задохнулся, когда тело обожгло святой силой: кожа рук разгладилась, исчезли старческие пятна, седые волосы стали густыми и темными. Брюхо превратилось в твердые мышцы, зрение снова стало острым.

А затем статуя вновь стала обработанным куском мрамора, будто все это было лишь галлюцинацией. Дарин попятился, и Маллеус подхватил его под локоть. Ухмылка Великого инквизитора исчезла, сменившись религиозным пылом.

– Благословлен! – воскликнул он. – Ты был благословлен!

Дарин уставился на свои руки, сгибая сильные ловкие пальцы. Посмотрев на принца Сокола, он увидел собственное юное лицо, отражающееся в глазах его господина. Он снова встал на колени, на этот раз с радостью.

– Приказывайте, ваше высочество!

Его жгла изнутри потребность доказать, что он достоин Ее благословения, он страстно желал служить. Он не был ни инквизитором, ни посвященным рыцарем, но Она все же сочла его достойным.

– Встань, ландграф Оллстейна.

Дарин поднялся, в его крепких, гладких мышцах бурлила сила молодости. Два инквизитора шагнули вперед, встали по бокам от него и повернулись к своему предводителю.

Принц Сокол положил руку на плечо Дарина.

– Бдительные верующие в стане язычников раскрыли страшный заговор против нашего народа. У наших границ собирается зло, и требуется твое мастерство полководца, чтобы уничтожить эту заразу до того, как она распространится. Призови рекрутов Оллстейна и приведи их сюда. Соединившись с двумя сотнями моих ветеранов, вы отправитесь на юг, в проклятые земли, известные как Муравейник. Вы будете следить за этим городом нечестивых и ждать прихода врага. Сир Орвин, сир Аррал и дюжина жрецов будут сопровождать вас, чтобы отрубить злу мерзкую голову, как только оно ее поднимет.

Дарин просиял, в его груди билась радость от возможности служить своему господину и богу. Тихий голос внутри его шептал, что это чувство неестественно, но Дарин его быстро заглушил.

– И какова природа зла, требующего присутствия посвященных рыцарей, ваше высочество?

Маллеус выступил вперед.

– Это скверна, ландграф. Группа колдунов и порочных существ, получивших силу благодаря кровавым жертвоприношениям.

– Старая магия еще жива? – спросил Дарин.

– Черное колдовство, – с упреком поправил Маллеус. – Зло как оно есть.

Дарин проигнорировал слова инквизитора. По крайней мере, то необыкновенное чувство его не покинуло.

– Мы уничтожим врага, ваше высочество, – поклялся он.
Принц Сокол улыбнулся, от чего праведный гнев ландграфа разгорелся еще сильнее.

Глава 10

Неподалеку от городка Гарсак в Оркском нагорье Амогг Хадакк, прищурившись, всмотрелась в ночную тьму, потом сплюнула, размахнулась и метнула топор. Он закувыркался в полете и ударил прямо в ствол далеко стоявшей сосны, глубоко вонзился и обвалил кучу снега, похоронившую несколько завизжавших граббсов.

Здоровенная и покрытая боевыми шрамами предводительница орков громогласно захотала, а улыбки на зеленых лицах молодых, еще не украшенных кольцами будущих воинов потускнели, зелень сменилась серым, уши поникли. Пока их товарищи-граббсы выкапывались из-под сугроба, собравшиеся вокруг Амогг, разочарованно подвывая, выставляли кувшины с медовухой на стол. Большинство из них достойно приняли поражение – спор есть спор. А для орков честь превыше всего.

Один из юнцов, шипя и скуля, попытался удрать в толпу, прижимая к груди проигранный приз. Амогг кинулась на него и прижала к земле. Потрясенный, он лежал, пускал слюни, а она извлекла сосуд из безвольных пальцев. Остальные граббсы из выводка насмеялись над своим братцем. Он теперь отмечен клеймом позора и, скорее всего, до взросления не доживет. Орки не терпят плутов и лжецов, но для граббсов ошибка позволительна. Правда, только одна.

Двое других старейшин клана, боевой вождь Рагаш и шаманка Вундак, сидели у догорающего костра, согревая мозолистые руки. Их огромные черные силуэты возвышались на фоне мерцающего огня. Старики понимающе закивали в ответ на нытье и ворчание недоростков, заблестели, покачиваясь, золотые кольца, украшавшие их бивни и уши.

– Бивни Гардрама! Никогда не делайте ставок против Амогг из Хадакка, – сказал Рагаш. – Даже на пятьдесят шагов в темноте. Раз вы, граббсы, учитесь, так усвойте это.

Амогг закивала, радуясь своему улову. Жизнь вождя и должна такой быть, думала она, только сбор еды и охота в этом году плохие, даже пчелы произвели меньше сладости, чем обычно. Один граббс, постарше и посильнее, урча от натуги, безуспешно пытался выдернуть ее топор из ствола. Амогг усмехнулась, подошла и, рассыпав град щепок, высвободила оружие.

Юный граббс тараторил на ее золотые кольца, каждое означало сотню убийств.

– В чем секрет, предводительница? Как нам стать такими сильными и умелыми?

Взгляд у этого граббса был острый и любопытный, в уголках его рта уже начинали прорастать бивни. Нежный пух расплзался по подбородку, груди и шее – значит, этот граббс решил стать самцом.

Амогг хмыкнула и кинула топор ему в руки. Хилый граббс пошатнулся под весом стали.

– Начинай носить топор предков и со временем станешь достаточно сильным. Понял? Да, это требует практики. Сперва рубишь дрова, потом головы. Видишь этот шрам? – Она провела рукой по своему торсу. – Чтобы выжить, прежде всего требуются мозги.

Предводительница взяла у него топор и закинула к себе за плечо. Граббс вздохнул с облегчением, а потом понимающе ухмыльнулся, глядя на почти потухший костер, и кивнул:

– Понял, вождь. Для огня надо больше дров. Я немедленно начну набираться сил.

И граббс затопал в глубь леса, прихватив топор, самый тяжелый из тех, что сумел найти.

Амогг улыбнулась, взяла пару свежедобытых кувшинов с медовухой и, поморщившись, присела на корточки у костра. Протянув старейшинам выпивку, она принялась куском тряпки стирать древесную кровь с топора. Медовуха Амогг не нравилась – слишком сладко и легко потерять контроль. Хотя для торга годится.

Рагаш, заметив гримасу Амогг, бросил взгляд на ее ногу.

– Что, свело судорогой, когда бросала свой здоровенный топор? – Он пригладил свою седую гриву. – Ты, как старый сапог, почти протерлась до дыр.

Амогг снова поморщилась.

– От вас двоих ничего не скроешь, но юнцам не надо про это знать. Так что заткнитесь, не твякайте и пейте свою медовуху, для того она и нужна. Пока я вас сама не заткнула.

Старейшины с усмешкой переглянулись и решили не возражать.

– Наша Амогг крепка как сталь и вынослива как гора, – сказала Вундак тем же тоном, каким она рассказывала истории наивным граббсам.

– А какая щедрая, – прибавил Рагаш, шумно отхлебнув медовухи.

Амогг хмыкнула, отложила топор в сторонку.

– И чего я терплю вас, старые дураки?

Рагаш ухмыльнулся.

– Кто еще сможет вынести твое уродливое лицо и зловонный пердеж?

Вундак расхохоталась и добавила:

– Воняет прям как человек!

Амогг зарычала и потянулась, собираясь отобрать у них медовуху, но беседу прервал встревоженный крик из леса:

– Вождь! Вождь!

Амогг тяжело поднялась на ноги и взялась за топор. Сквозь густые заросли к ним пробивался украшенный кольцами орк с буро-зеленой кожей. Это был наблюдатель, ее глаза и уши. Он приблизился к ней и встал, тяжело дыша.

– Три больших корабля миновали Бивни Гардрама, – выдохнул он. – С них на маленьких лодках на берег сходит много людей с оружием.

Граббсы собрались вокруг, толкались, стараясь подобраться поближе, и болтали о том, что им тоже хочется повидать нехороших людей.

Амогг они достали. Она стукнула одного, и тот повалился с разбитым черепом.

– Придержите языки, а не то я вам их поотрываю.

Один граббс – невелика потеря. Только горстка из выводка сможет выжить и вырасти в орков. Пищи до лета будет мало, а граббсов много, так что слабых и негодных скормят свиньям или прямиком отправят в котел.

Три граббса попытались заставить прочих заткнуться. Амогг обратила на них внимание и запомнила лица – из них могут вырасти сильные бойцы.

– Орки слушают старших и учатся, – сказала она. – А теперь говори, сколько там людей и что изображено на флагах их кораблей?

Орк, еще задыхаясь, задумался, кривя губы от напряжения. Поднял десять пальцев:

– Я так думаю, десять десятков. Черный флаг, на нем красный кнут. Да еще с шипами.

Амогг издала тяжелый утробный рык.

– Сто, – сказала она. – Десять раз по десять, получается сотня.

Она облизнула свои золотые кольца, подхватывая топор на плечо. Сотня человек под флагом «Шквала злобы». Это означало проблемы. Означало, что на берега орков прибыла хозяйка Авилданских островов.

– Граббсы! – проревела она. – Живо тащите свои мелкие задницы обратно в деревню и скажите всем, чтобы собирали оружие и присоединялись к нам на утесе. Я иду поглядеть с Бивней Гардрама.

Она встала и, не дожидаясь ответа, поспешила на запад. Принесший весть орк двинулся вслед за ней, прижав уши к черепу и растягивая пасть в свирепом рычании.

Амогг двинулась по лесному покрову, под ногами пружинил ароматный ковер из сосновых иголок. Ветки и свисающие сосульки раздирали лицо и руки, но она почти этого не чувствовала, ломясь через все преграды. Мало что способно помешать бегущему орку.

Вскоре Рагаш и Вундак догнали ее, с луками на плечах и топорами в руках. Олень поднял крупную рогатую голову, когда эти четверо прорвались сквозь подлесок, бросил взгляд в их сторону и, спасаясь, перепрыгнул через ручей.

Звук прибоя, бьющего о скалу, стал громче, а сосновые иглы и мягкая грязь под ногами сменились на острые камни вперемешку со снегом. Гуща леса перед глазами уступила место небу и облакам. Амогг притормозила, легла на живот и поползла дальше, чтобы посмотреть с края утеса.

Волны бились о торчащие каменные клыки – Бивни Гардрама, рассыпали пыль брызг и пены, прикрывая устье залива туманной дымкой. Из воды выступали острые шипы скал, готовые вспороть брюхо всякому, кто не знает безопасного прохода сквозь Зубья. Тем не менее в бухте встали на якорь три человеческих корабля, а гребные лодки уже переправляли небольшое войско на берег орков. Все, как и сказал следопыт. И корабль, и флаг были слишком хорошо ей известны.

Уши Амогг сами прижались к черепу при виде мелкой седоватой самки человека, которая сходила на берег, шлепая по волнам прибоя. Все люди казались ей одинаковыми, но вот эта женщина – маленькая, старая и омерзительно хилая – могла быть только Вереной Авилданской, владычицей Авилданских островов. Даже в те времена, когда Амогг разбивала головы в войске Черной Герран, она никогда не доверяла этому лживому, вороватому и лишенному чести человеческому существу. Те немногие торговые сделки, которые она заключала с людьми Верены за долгие годы, это мнение лишь подтверждали.

Амогг обернулась к своим «глазам и ушам» и негромко заговорила, борясь с желанием взреветь и понестись вниз, размахивая топором:

– Отправляйся к Мысу копы и высматривай новые корабли. Я должна точно знать, есть ли тут еще кроме этих трех.

Орк оскалил бивни в знак согласия и ускользнул прочь.

Амогг присмотрелась к прочим людям, вслед за Вереной сошедшим с маленькой лодки. От их вида что-то кислое забурило у нее в животе. Люди с корабля шарахались от этих троих, и хотя Амогг плохо умела читать человеческие эмоции, она поняла, что их просто боятся. Нутром чуяла, что не зря. Один был здоровенный и чернокожий, с каким-то неестественным телом – контур словно двигался и смещался.

Татуированная женщина, белая как мертвец, была безоружна, но от нее несло колдовством, а мужчина помельче первого, бледнокожий, с волосами цвета огня и мечом в руке, вызывал у Амогг какое-то старое полузабытое воспоминание. Вместе с ним появилась и заноза легкого страха. Амогг десятилетиями не испытывала этого чувства и сейчас всем сердцем приветствовала его возвращение. Настоящий вызов после долгих лет тоскливого мира. Этих рыжих она всегда ненавидела. Впрочем, люди всегда прикрывались ложью, из-за этого все проблемы. Сама кожа людей лгала – оставалась окрашенной в один цвет вместо того, чтобы становиться серой от стыда или красной от гнева. Орки были честнее и во всех смыслах лучше.

Амогг зарычала и крепче сжала топор, хотя не могла понять причину эмоций. Кто же этот человек, вызывающий такие чувства? Череп этого маленького самца можно раздавить одной рукой.

Беспокойство вождя не укрылось от двух старейшин.

– Это что, вторжение? – спросила Вундак. – Хочешь, мы натянем тетивы и всех сразим?

– Пока нет, – буркнула Амогг.

Надо было выяснить, чего ради они ступили на землю орков.

– Ты, похоже, знаешь ту здоровую лодку? – спросил Рагаш. – Что, опасные люди?

Она обнажила бивни.

– Нутром чую, что да.

Старейшины встревоженно переглянулись. Нутро Амогг не ошибалось.

– Мне давно знакома их командирша. Человечьи слова ничего не стоят. Люди врут и хитрят, чтобы заполучить, что им хочется, а обычно они хотят все, что у тебя есть.

– Это верно, – проворчал Рагаш.

– Ждем, – сказала Амогг. – Никаких боев, пока этот лес не наполнится орками Хаддака. В бою можно обрести славу, но гораздо больше славы в победе.

Оглядев край леса и вершину скалы, Верена ничего не увидела. Она не могла избавиться от чувства, что за ней наблюдают, а из-за серо-зеленого цвета орочьей кожи этих злобных тварей в лесу заметить крайне трудно.

– Не могу не оценить по достоинству их декор, – с улыбкой отметил Лоример, указав на ряд деревянных кольев с насаженными на них черепами, отделявший побережье от леса. – Рядом с этим их чествованием жизни и смерти я чувствую себя почти как дома.

– Ага, – подтвердил Тиарнах. – Эти орки как раз для тебя. Потрясающе злобные и здоровенные твари, да?

Они с Лоримером озадаченно переглянулись, удивленные неожиданно обнаруженным совпадением мнений.

Мейвен переходила от столбика к столбику, рассматривая черепа.

– Тут мужчины, женщины, есть даже дети, – сказала она. – Оркам все равно, кого убивать. Разумеется, Амогг Хадакк никогда не показывала нам, что имеет хоть какое-то понятие о милосердии.

– Милосердие – это слабость, – вмешалась Верена. – Орки этого не выносят. Они все дерутся – самцы и самки, даже те бесполое существа, что считаются их детьми, берутся за оружие, едва смогут его удержать. Если вспомнить, что живут они в этих почти бесплодных холмах, окруженных укрепленными городами людей, то, по-моему, у них и выбора особо нет.

– Неужели мне послышалась тень сочувствия в твоём голосе? – спросила Мейвен.

Верена пожала плечами, от чего устроившийся там слинкс обиженно заворчал.

– Между нами никогда не было дружбы. Много лет назад был один общий враг, и еще я выменивала слитки оркского железа на еду и товары.

Тиарнах почесал косматые рыжие волосы.

– Сомневаюсь, что после стольких лет я отличу Амогг от других орков. У нее была на глазу повязка?

– Ты дурак и пьяница, – фыркнул Лоример.

Тиарнах кивнул:

– Ну и что с того? Я мог спутать ее с каким-то другим орком с повязкой. Погоди... Или то был крупный берсерк из Вандауры? За эти столетия я столько повидал и убил, что давно потерял счет, а все лица путаются.

Верена снова оглядела верхушки окружавших бухту утесов.

– Нам лучше быть осторожнее. Войны с орками я не хочу, а наше вторжение вряд ли долго останется незамеченным.

– Я не боюсь орков. – Некромантка взглянула на Лоримера. – Никому из них не справиться ни с вампиром, ни с моим колдовством.

Тиарнах усмехнулся.

– Твой огромный вампир страшный, ага, но, сдаётся мне, вы с ним никогда не стояли на пути у стаи воинственных орков. Так?

Мейвен нахмурилась.

– Амогг была ненамного крупнее Лоримера.

– Значит, нет, – сказал Тиарнах. – Ты ни разу не встречала настоящего орка. Когда Амогг служила у Черной Герран, она была просто молодым воином. – Он не стал утруждать себя дальнейшими пояснениями, но ухмылка была нацелена на то, чтобы разозлить Мейвен.

Пока некромантка и бывший бог цапались, Лоример, приняв себя, прошелся по берегу. Его взгляд обратился на восток, в сторону леса.

– Чую запах орочьего пота, стали и масла. Они наблюдают за нами.

Когда темнокожий обернулся к бледным, Амогт отползла от края утеса. Он был крупным для человека и, судя по тому, как его избегали люди помельче, несомненно, опасным. А еще он казался странно знакомым, но она убила немало людей, что по глупости совершали набеги на берега орков. И надеялась, что этот бросит ей вызов в бою. Его череп будет славно защищать границу Хадакка от злобных человеческих духов.

– Поделись со мной истиной Гардрама, – попросила она Вундак.

– Женщина с татуировкой владеет магией, – ответила шаманка. – Очень скверной. Вокруг нее – смерть. Ее нужно убить первой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.